

Денис Мамонов

РУННОЕ НАСЛЕДИЕ

16+

ВДЫХАЮЩАЯ ЖИЗНЬ

Денис Мамонов
Рунное наследие.
Вдыхающая жизнь
Серия «Рунное наследие», книга 1

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63930046
SelfPub; 2021*

Аннотация

Дана – из Вольного клана, мечтающая стать таким же воином, как её отец. Но в их клане лишь мужчины могут быть воинами. Квэн – из Рунного клана, стремится создать новую руну. Но самое заветное его желание – Вдохнуть жизнь. Только есть одна загвоздка – этим даром обладают лишь женщины. Гларта – из клана Видящих. Перед ней нелёгкий выбор: убить или быть убитой. У каждого из этой троицы свои цели, но придёт время и их судьбы переплетутся.

Содержание

Глава 1. Заклятые подруги	4
Глава 2. Сын Вольного клана	13
Глава 3. Нечестный спор	23
Глава 4. Обязанности Квэна	31
Глава 5. Незаслуженная помощь	41
Глава 6. Злая правда	49
Глава 7. Ежегодная традиция или «Попробуй, угадай!»	57
Глава 8. «Весёлые пальчики»	66
Глава 9. Глава клана Видящих	75
Глава 10. Буйвол, волк и...	84
Глава 11. Отцы и дети	94
Глава 12. Враг появляется – мечта сбывается	104
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Денис Мамонов

Рунное наследие.

Вдыхающая жизнь

Глава 1. Заклятые подруги

Издалека заприметив Лису с подругами, Дана решила затеряться на рынке. Ну почему отец, будучи верен своим традициям, наотрез отказывался обучать её хотя бы элементарным приёмам самозащиты? Сейчас бы они ей ой как пригодились! Поставить бы на место эту зазнайку Лиссу, не взирая на то, что она Вдыхающая жизнь в Тотемном клане! Но оставалось только унижительно отступить.

Дана перебежала на полусогнутых ногах от одного прилавка к другому, не обращая внимания на косые взгляды прохожих, шатающихся по базару в поисках интересующего товара. Возле корзин с фруктами девушка остановилась, избрав их в качестве временного укрытия. Один только вид яблок, груш и персиков вызывал желание наестся ими до отвала. Но она, как и большинство тех, кто входил в обычные кланы – кланы без Вдыхающей жизни – не имела возможности потратить даже медяк на вкусную и сочную сладость.

Зато Дана могла ночью забраться на чужой забор и на-

брать столько плодов, сколько поместиться ей за пазуху – она знала несколько таких дворов, где раскинулись увесистые ветви фруктовых деревьев.

– Вы двое – туда, а я с Булой пойду в эту сторону, – услышала Дана приказ Лиссы, а затем разглядела между корзинами и её саму в сопровождении рослой подруги.

Понимая, что её сейчас увидят, Дана пригнулась ещё ниже. В этот момент подошёл отлучившийся хозяин-продавец и заорал, размахивая руками:

– А ну прочь, попрошайка! Пшла отсюда!

Лисса с Булой повернулись на звук, тут же заметив причину недовольных криков. Дана выпрямилась, поймала взгляд девушек и метнулась прочь. Преследователи не отставали.

Дана выбежала на ряд с овощами, затем на рыбный, а когда свернула к боковому выходу из рынка, которым редко кто пользовался, встретила тех самых подружек Лиссы. Попыталась было проскочить мимо, но одна из них ловко поставила подножку и Дана распласталась на дорожке. Вскоре вся четвёрка окружила упавшую жертву своих частых насмешек.

– Так, так, так. Кто это у нас тут? – заговорила молодая Вдыхающая жизнь. – Ой, Дана. Не ушиблась? Надо ведь аккуратнее быть, – она протянула Дана руку, помогая встать, и перевела тему: – А что это ты после уроков с моим папочкой не зашла ко мне? Я хотела поделиться с тобой радостной новостью, – это звучало так, словно Дана и правда была её

лучшей подружкой, а не объектом издевательств.

– Хм, – не отрываясь, Дана смотрела на лису, изображённую на предплечье Лиссы, полностью забыв о страхе, вытесненном любопытством. Каждый штрих, волос, даже цвет и звериный взгляд – всё выглядело до такой степени натуральным, будто живая, но миниатюрная лиса пригнулась и вот-вот собирается кинуться на свою жертву.

– Как тебе? – Лисса поняла, что добила желанного эффекта.

Дана нехотя взгляделась в черты лица своей недоброжелательницы, выискивая изменения, так как знала, что тотемный рисунок сильно влияет на своего носителя. А в том, что лиса точно являлась тотемным животным, не было даже сомнений. Другой вопрос: как Лиссе удалось уговорить Старшую, то есть свою бабушку, сделать ей тотемный рисунок?

Ведь во-первых, женщина с тотемным рисунком – это большая редкость.

А во-вторых, Лисса – сама Вдыхающая жизнь. Насколько Дана помнила, Вдыхающие жизнь не могут применять свои умения на себе же. По крайней мере, она не слышала о таком. Это то же самое, как если бы Вдыхающая жизнь из Рунного клана рисовала на себе руны, или Вдыхающая жизнь из Амулетного клана сделала для себя... Но они делают. Это плохой пример. А вот вспомнить про Танцующий клан – там же...

Не давая больше возможности Дана витать в своих мыс-

лях, Лисса вернула её на землю:

– Как думаешь, что мне дал тотем лисы?

Внешне Лисса и правда изменилась. И выглядела уже не на свои семнадцать, а даже старше Даны, пусть разница у них была всего год.

Некогда такие же каштановые, как у Даны, волосы Лиссы теперь посветлели и сделались ярче – прямо как шерсть лисы. Но у Даны всё равно волосы были куда пышнее за счёт завитушек, и длиннее. Намного.

Черты лица Лиссы стали более выраженными, подчёркивая лукавство и хитрость, при этом добавляя ту же красоту всякой роковой женщины, о которой в народе говорили: «По лисьи прекрасна и опасна». Кроме того, около носа проявились веснушки.

А глаза... У Лиссы разрез глаз стал заметно длиннее и появился прищур, из-за чего казалось, что она задумывает что-то неладное. Впрочем, Дана не сомневалась, что эта «лиса» постоянно замышляет против неё какую-нибудь пакость. А вот по её, Даны, глазам никто и никогда не смог бы прочесть, о чём она думает. Потому что таких глаз больше ни у кого нет. По крайней мере, Дана ни разу не видела человека с глазами разного цвета. Если не считать собственного отражения в зеркале, конечно.

Что-то ещё неуловимое выделялось во внешности Вдыхающей жизнь, но что именно, Дана поняла не сразу. Уши! Из-за того, что волосы Лиссы всегда их скрывали, не сразу стало

понятно, что они отсутствуют. Точнее, у неё не было человеческих, но на том месте, где у лисы находятся уши, у Лиссы на голове торчали два оранжевых шерстяных комочка.

Дана хихикнула, не сдержавшись. И тогда Лисса показала ей то, от чего веселье пропало в одночасье.

– Видишь эти ногти? – Вдыхающая жизнь показала ладонь с разных сторон и одним пальцем прикоснулась к плечу Даны. – Представляешь, как я удивилась, когда не смогла их срезать – такие крепкие оказались, что ими можно резать не хуже, чем ножом, – и она слегка провела ногтем сверху вниз, отчего ясно слышалось, как рвётся ткань.

– Ай! – Дана вскрикнула, и на её плече в том самом разрезе ткань потемнела от крови.

– Прости, – улыбнулась Лисса, но убрала руку. – Немного не рассчитала. Я такая неловкая. Надеюсь, это останется между нами. И ни твой, – пауза, – ни мой отец, – пауза, – ничего не узнают.

– Я похожа на ябеду? – Дана перестала обращать внимание на царапину и пристально посмотрела в глаза обидчицы. – Или того, кто кричит направо и налево: «Меня, обычную девушку из Вольного клана, порезала Вдыхающая жизнь из Тотемного!»? А толку? Люди, услышав такое заявление, скорее спрячутся в дома или провалятся под землю, чем вступятся или помогут хоть как-нибудь, – и она симитировала плевков на землю.

– Ты, конечно, права, никто за тебя не заступится. Но мо-

жет пострадать наша репутация.

– О чём речь? Какая репутация? Ваш клан – единственный, в котором есть Вдыхающая жизнь на расстоянии десяти дней пешего пути в любую сторону от нашего города.

– Моего города. Не твоего, – поправила Лисса. – Ты со своими родителями – чужаки, которые пришли, позорно сбежав из своей убогой деревушки. Слышала я недавно, что твой отец предал свой клан из-за твоей матери...

Дана и сама не поняла, как вlepила пощёчину Вдыхающей жизни. Затем разъярённо выпалила:

– Ему Старший клана разрешил уехать, а значит он – не предатель. А вот ты своей клеветой ещё как позоришь Тотемный клан. Я удивлена, как у такого доброго учителя, как твой отец, такая паршивая дочь!

Подруги Лиссы затаили дыхание, боясь даже пошевелиться, она же сверкнула глазами и приблизила свои ногти – казалось, они выросли на сантиметр, а может, и правда выросли – к лицу Даны.

Сказать, что Лиссу задели слова – ничего не сказать. Она презирала и ненавидела Дану с момента её появления в доме Тотемного клана. Отец Даны договорился с отцом Лиссы, что тот будет обучать его дочь рисованию раз в неделю. Именно тогда Лисса и услышала впервые, притаившись за перегородкой, разделявшей её комнату и прихожую, как отец нахваливает чужачку. А ей, Лиссе, отец ни разу не сказал: «Молодец». С тех пор, казалось, он отдавал всё душев-

ное тепло, всю доброту, все улыбки радости Данае, оставляя родной-то дочери лишь презренные ухмылки и яд в словах, отравлявших её нутро.

– Я прямо сейчас могу сделать так, – сквозь зубы прошипела Лисса, – что ты станешь позором своего клана. Все вокруг только и будут шептаться, увидев твоё обезображенное лицо, что ты – та самая уродка из Вольного клана, не умеющая держать язык за зубами. Вот и поплатилась, поделом ей.

– А как ты думаешь, кому поверит твой отец: своей дочери или мне? – Данае недолго решалась на эти слова и, уже переступив грань напускной вежливости, решила идти до конца.

– Думаешь, мне есть до этого дело? Или ты забыла, кто в нашем клане главный? Точнее, главная! Это у вас, в обычных кланах, – голос Лиссы переполняло презрение, – полностью зависящих от нас, может, и правят мужчины. Но настоящая сила и безграничная власть в руках Вдыхающих жизнь, – Лисса сжала руку в кулак. – У женщин! Ведь только мы умеем вдыхать жизнь. Не мужчины. И не такие отпрыски, как ты.

– И как твои подруги? – съязвила Данае, надеясь, что сможет перекинуть очаг неприязни с себя хотя бы частично на других.

– Они лишь подтверждают мои слова, – уклончиво парировала Лисса.

– Но ведь тебе важно мнение отца. Не так ли?

Лисса опустила руку. Если подумать, она и так за сегодня

вдоволь наигралась с этой паршивкой. Но и та тоже умудрилась потрепать ей нервы. Желая сделать финальную пакость любимой ученице своего отца, Лисса обратилась к самой крупной из своих подруг:

– Була, – на лице Лиссы расплылась хитроватая лисья улыбка, – мы с тобой недавно обходили кучу навоза. Кажись, я уронила туда медяк, а Дана лично соизволила поискать его. Вы ведь слышали, девочки?

Другие две подруги закивали головами.

– Вот и отлично. Дана, ты сама пойдёшь с нами, или тебе помочь? Була как раз сегодня ещё не тренировалась.

Дана хотела было сбегать, но Була успела схватить её за шею и закинуть себе на плечо.

Когда вся компания подошла к тому месту, Лисса достала из кармана потёртую медную монету и бросила прямо в центр зловонной кучи, разогнав круживших над ней жирных мух.

– Пусть моя спасительница поближе разглядит, где я потеряла денежку.

Була уронила Дану, заломала ей руки и приблизила её лицо к навозу на расстояние в один фаланг.

– Подожди, Була, – остановила её Лисса, осенённая только что пришедшей идеей, и обратилась к Данае: – Знаешь, моя спасительница, ты можешь не искать медяк. При одном условии. Если согласишься поговорить с моим папочкой обо мне и выведать, что он обо мне думает и почему ведёт себя

так со мной. Плюс, скажешь ему, какая я хорошая подруга. Я ведь хорошая подруга, девочки?

Те снова закивали головами.

– Так что? – Лисса перестала улыбаться и холодно спросила: – Что ты выбираешь: искать монету в навозе или разговор с моим отцом?

Дана же предложила третий вариант. Вариант, унижительный для Лиссы. Вариант, над которым она серьёзно задумалась.

Глава 2. Сын Вольного клана

– А может, ты, – Дана выделила последнее слово, – вытацишь зубами монету? И я обещаю, что поговорю с твоим отцом. Без обмана, но начистоту.

Троица девушек уставилась на Лиссу, ожидая от неё очередной эмоциональный взрыв, но та молчала.

Була не выдержала первой и, сжимая шею Данае, выпалила:

– Да как ты смеешь! – и с воодушевлением обратилась к Вдыхающей жизнь: – Лисса, только скажи, я её раскатаю по этому навозу, и не только лицо, она вся будет в...

– Не горячись, Була, – голос юной наследницы из Тотемного клана оказался мягким. – Она ещё успеет ответить за свои слова, – и обратилась уже к Данае: – Ты ведь говорила всерьёз, что можешь пообщаться с моим отцом насчёт меня. Я чувствую ложь – ещё одна особенность, которая передавалась мне от тотемного зверя – и ты не лгала.

– Ты же не собираешься... – неуверенно подала голос дылда.

– Молчать! – разъярённо выкрикнула Лисса. – Ещё раз без моего разрешения скажешь хоть слово, я заставлю тебя съесть эту кучу. Ясно?!

Почувствовав ослабление хвата, Дана выпрямила затёкшую спину и села на землю, потирая шею. На Булу было больно смотреть. Здоровая, мужеподобная девушка, в

несколько раз больше Лиссы и на две головы выше, потупилась, опустив взгляд. Дана не понимала, почему эта громила терпит выскочку из Тотемного клана. В конце концов, никто же не заставляет Булу прислуживать Лиссе. Она, Дана, ни перед кем ведь не расстилается ковровой дорожкой, чтобы об неё вытирали ноги. Наверное, поэтому у неё, Даны, и нет друзей. Но и Лисса с Булой такие подруги, как доярка с коровой. Нет, обычная доярка куда лучше Лиссы.

– Так вот, – Вдыхающая жизнь снова заговорила спокойным голосом после небольшой паузы, сделанной, чтобы дать понять всем собравшимся «кто есть кто», – если ты обещаешь поговорить с отцом обо мне, так уж быть, твоя нежная кожа на лице останется чистой. В противном случае, тебя ждут навозные ванны. И можешь даже не стараться мне лгать, повторяю: я это чувствую.

Дана не видела ничего плохого в том, чтобы начистоту поговорить со своим учителем о его отношении к дочери. Но оставался ряд вопросов: скажет ли он правду, и скажет ли вообще что-то по этому поводу, ведь Дана для него – чужой человек. Понравится ли Лиссе то, что она узнает. А главное – что случится с ней, с Даной, если правда окажется не столь радостной, как хотелось бы. Об этом она прямо и спросила.

Лисса вновь выдержала паузу, но в этот раз – задумавшись над вопросами.

– Обещаю, – заключила она, – с тобой ничего не будет.

Дана не особо верила «закадычной подруге», но решилась

ещё немного поторговаться:

– Хорошо. Договорились: я узнаю у твоего отца о тебе, а ты – больше никогда меня не трогаешь, – немного поразмыслив, вдогонку добавила: – И твои прихвостни тоже. Никто по твоей прихоти меня не тронет.

Лисса, окинув взглядом своих подруг, нехотя согласилась.

Когда они расходились в разные стороны – четвёрка во главе с Лиссой куда-то по своим делам, а Дана к себе домой – она поймала взгляд Булы, и показалось, словно та извинялась. Но Дана было не до этого. Дома её ждали нелюбимые дела, и всю дорогу она только и делала, что думала о том, как отец снова заставит её часами сидеть над камнем, им лично отполированным до ровной глади, и рисовать. Рисовать то, что она уже тысячи раз рисовала. Рисовать то, что ей и вовсе не нужно. Но слово отца – закон. Ей вспомнились слова Лиссы о простых кланах и кланах, где есть Вдыхающие жизнь. Да, однозначно, она, Дана, хотела бы принадлежать к тому клану, которым управляют женщины.

Когда она подходила к своему дому, увидела, как возле короткого забора, толком ничего не скрывавшего, собирались дети от восьми до двенадцати лет и заглядывали во внутренний двор. Её двор.

Дана обрадовалась. Раз пришли зрители, значит, отец снова пытается кого-то тренировать. А также это значит, что она может отдохнуть и ничего не рисовать. Хорошо, что мама не такая строгая и прекрасно понимает её.

В хорошем настроении, Дана зашла домой. Схватив ещё горячий рогалик и ответив: «Хорошо, мам» на услышанные слова о скором обеде, она отправилась в свою комнату. Поставила табурет возле окна и, откусывая от ароматного мягкого лакомства, стала наблюдать за уже разыгравшимся представлением, которое совершенно бесплатно давал её отец.

Хмурый Брол твёрдым поставленным голосом поправлял непутёвого юношу. За этим было комично наблюдать: пусть отец Даны в свои почти пятьдесят и выглядел коренастым, грузным, но при этом ловким воином, однако на фоне рослого увальня он казался коротышом, отчитывающим великана.

– Нет, – Брол отбил тростью учебный меч. – Плохо.

Тогда юноша, высоко подняв меч над головой, со всего размаху обрушил тупое оружие прямо на своего учителя. Но тот успел не только отойти с линии атаки в сторону, но и ударить ученика по вперёдстоящей ноге.

– Медленно. Ещё раз.

Молодой человек отбросил меч и зарычал. Он сорвал с себя рубаху, и публика охнула одновременно с Даной. На правой груди у юноши засветилась оранжевой нарисованная морда оскалившегося волка. Прямо на глазах человек стал расти, увеличиваясь в объеме, и покрываться густой шерстью. И без того немаленькие руки превратились в огромные лапы с опасными когтями.

– Хочешь ещё раз? Давай! – гулким басом отозвалось то,

во что превратился юноша, а на его изменившемся лице полчеловека-полуволка показался такой же оскал, что и на тотемном изображении.

– Щенок, – Брол так прожигал взглядом своего ученика, что даже Дану пробрало. – Ты не готов. И опасен. Для самого себя.

Полузверь больше не стал слушать тирады вечно недовольного учителя и бросился на него. Рассекающие воздух когти представителя клана Волка то и дело пытались задеть опытного воина. Но этот «щенок» не знал, что человек, стоящий перед ним – сын Старшего из Вольного клана. Каждая атака проходила мимо него, причём сам Брол не нанёс ни одного удара.

Об этом клане мало что было известно тем, кто всю жизнь прожил в Тотемном городе. Как издревле повелось – город называли либо в честь клана с Вдыхающей жизнью, проживающей в этом самом городе, либо – если таких не имелось – в честь самого сильного клана. Так вышло, что все кланы, пристроившиеся бок о бок к Тотемному, имели названия, связанные с тотемами-животными. Вольный же клан сосуществовал рядом с Рунным. И почему Вольный так назывался – никто не знал. Да и вообще, о том, что представлял из себя этот клан, местные могли лишь строить догадки. Как и о том, почему семья из трёх человек отделилась от родного круга. Ведь клан – это, прежде всего, поддержка и общее дело людей, связанных одной кровью.

Даже оказывая постоянно помощь городу, Брол так и оставался чужаком среди местного населения. Мало кто сблизился с ним до приятельских отношений – и эти немногие знали, насколько действительно опасен сын Старшего из Вольного клана.

– Вернись в человеческий облик, – Брол стал в стойку: ноги слегка согнул, выставив правую вперёд, левую руку полностью расслабил и опустил, другую же – поднял перед собой, согнув в локте, ребро ладони смотрело на ученика. – Предупреждений больше не будет.

Его ученик лишь зарычал в ответ и вновь бросился в атаку.

– Я предупреждал, – спокойно сказал Брол, и когда ползуверь в очередной раз хотел его ударить, он шагнул ему навстречу, нырнул под машущей лапой и шлёпнул тыльной стороной ладони по носу «щенка».

Тот только сильнее разозлился и с рёвом набросился на опытного воина, чтобы «обнять» его. Когда озверевший юноша развёл лапы в стороны, Брол ударил его снизу вверх указательным и средним пальцами прямо в подмышечную ямку, а левой рукой вцепился в горло напавшего, одновременно подсечкой сбивая его с ног.

Ученик рухнул на землю в один миг, а вдавливающее движение учителя, зажавшего ему горло, придало ещё больше инерции.

– В человеческий облик. Быстро, – холодно скомандовал

Брол, не повышая тон.

Даже если бы «щенок» оказался его врагом на поле битвы, наверное, и в этом случае озверевший юноша выполнил бы приказ.

Наблюдавшие за происходящим мальчишки настолько ощутили ту внутреннюю силу, намерение, настрой Брола, пропитавшие его слова, что сами захотели измениться и стать невидимыми, лишь бы не попасть под горячую руку воина.

Но, как каждый представитель Вольного клана – или просто Вольный, как они называли себя – Брол всегда контролировал свои чувства и эмоции. И мог не только сдерживать их, но и разжигать. Только испугавшиеся дети об этом не знали, поэтому половина из них разбежалась, а самые смелые пригнулись так, что только глаза и лоб выглядывали из-за забора.

А Дана? Дана с восторгом смотрела на отца, разинув рот. Она в очередной раз поймала себя на мысли, что хочет стать такой же смелой, отважной, а главное – умелой в драке, как он.

Юноша, постепенно возвращаясь в нормальный вид, пытался выкрутиться из стальной хватки и извивался на земле, поднимая пыль. Когда же он полностью снова стал человеком, Брол разжал пальцы, оставляя синяки на его шее.

Подобрав свою трость, учитель сложил на ней руки и с интонацией, выносящей приговор, зачитал свои наблюдения

за время занятий с нерадивым учеником:

– Нарушил дисциплину. Не тренировался. Ослушался меня. Не предупредил о тотемной инициации. Стал угрозой самому себе.

В это время юноша откашливался, упёршись руками в землю, но это не мешало ему выслушать замечания и сделать вывод, что на ближайшие недели, а может и месяцы, за такую провинность отец лишит его денег на гулянья и развлечения. Понимая, что другого выхода нет, ученик стал на колени и принялся умолять:

– Только не говорите моему отцу...

– Он вкладывает деньги. Я показываю результат. Ты не оправдываешь надежды.

– Так вы ему не скажете? – юноша умоляюще смотрел на учителя.

– Занятие окончено. Научишься контролю – приходи. – Брол развернулся и зашагал к двери.

– Но вы не ответили, – ученик растерялся. От неизвестности его трясло ещё сильнее. Ответ волновал больше, чем произошедшее на тренировочном дворе, чем мнение Брола о нём, чем его позор, который могли наблюдать через забор прохожие.

И Брол всё это понял. Уже давно. Ещё с первой встречи с этим юношей, когда того привёл отец, желая увидеть в своём сыне настоящего воина. Но в нём не оказалось того стержня, благодаря которому человек достигает высот – в нём не было

сплава самодисциплины, характера и силы воли.

– Ты усвоишь урок, – бросил Брол через плечо и, распознав недобрые намерения юноши даже не глядя на него – интуиция и понимание людей не раз помогала опытному воину – добавил: – Я дважды не дарю жизнь.

Юноша продолжал смотреть ему в спину, но мельтешение в окне его отвлекло. Он посмотрел туда и на миг встретился взглядом с Даной. Та тут же скрылась. Но её отец заметил это, прежде чем зашёл в дом.

Стоило Бролу переступить порог, как послышались быстро приближающиеся шаги дочери. Дана, уже по традиции – когда отец выгонял очередного ученика – завела любимую тему:

– Пап, возьми меня в ученицы.

К удивлению мамы и самой дочери, Брол не стал отнекиваться, как это делал обычно, а лишь спокойно ответил:

– Выйдем, – и, схватив дверную ручку, добавил: – Меч возьми.

Дана взяла оружие, стоявшее в углу комнаты, всем своим существом ощущая, что не к добру это быстрое согласие отца. И сомнения были не только из-за того, что Брол всегда запрещал дочери даже трогать меч. Раньше отец часами мог выносить надоедливое жужжание Даны, а тут с первого раза сдался. А сдался ли?

Вскоре догадки дочери подтвердились.

Отец выставил за калитку бывшего ученика, встал напро-

тив Даны и произнёс:

– Коснёшься меня мечом – буду учить. Нет – никогда не буду.

Пока она несла меч во двор, Дана уже успела устать. А память о недавней стычке отца с полужверем вовсе не добавляла уверенности. Поэтому она предложила свой вариант:

– Только с мечом будешь ты. И победа будет считаться за мной, если я коснусь тебя рукой. Идёт?

Брол даже не задумался над ответом, лишь улыбнулся и сказал:

– Идёт.

Глава 3. Нечестный спор

Собравшаяся толпа облепила забор. Поглядеть на такое неслыханное дело подтянулись все зеваки и бездельники в округе – местная ребятня растрезвонила о поединке между суровым Бролом и его дочерью, как только те вышли во двор. Причём такой вывод дети сделали, увидев усталую Дану, тащившую отцовский меч.

Стоило народу скопиться в одном месте, как тут же пошли разноситься догадки и сплетни. Обсуждалось всё: начиная от внешнего вида, заканчивая поведением и поступками. А главной темой пересудов было отличие между тремя членами семьи.

Почему у девушки волосы коричневатые и кучерявые, если у отца – смоляные и прямые, а у матери – пшеничного цвета? А не странно ли, что у дочери носик небольшой и аккуратный, при этом у Брола – на лице «картошка», а у его жены, Арлы, и вовсе «орлиный» профиль?

Но больше внимания любители посудачить уделяли глазам Даны. Да, у девушки они действительно имели сходство с родительскими. Только вот у самих супругов они отличались: у Брола глаза отливали тёмно-коричневым оттенком, а у Арлы – светло-серым. У Даны же один глаз от зрачка до края радужки переходил с карего в серебристый цвет, а другой – с точностью до наоборот. И пусть с расстояния зрите-

ли не могли разглядеть эту необычную особенность девушки, именно об этом редком явлении больше всего и шушукались.

Как только Брол обратился к своей дочери, в толпе наступила тишина. Все собравшиеся наострили уши, чтобы не пропустить ни слова. Когда же они услышали предложение воина, то гомон не просто возобновился, но и усилился. Ведь в городе Тотемном никто и никогда – кроме, конечно, Вдыхающих жизнь – не передавал умения клана по женской линии. Да, ходили легенды о клане Ящерицы, который находится где-то на востоке, будто у них всем заправляют женщины, и о существовании клана Куницы иногда всплывали слухи. Но существуют ли такие кланы на самом деле – было известно лишь Вдыхающим жизнь из Тотемного клана, так как только они могли наделять людей чертами животных, а значит – они же и приложили руку к созданию мифических кланов.

– И сколько ты мне даёшь времени, чтобы я к тебе прикоснулась? – Дана уже представляла, как будет бегать за отцом и размахивать руками, пока хотя бы раз попадёт в него.

– Нисколько. Тебе восемнадцать лет. У тебя восемнадцать попыток. Одна попытка – один удар рукой.

– Как-то мало, – обидчиво вздохнула Дана, и её недавняя фантазия о погоне за убегающим отцом разбилась об жёсткие ограничения в споре.

– Ты отказываешься? – у Брола приподнялась правая

бровь.

– Ещё чего! – оживилась дочь.

– Хорошо, – одобрительно кивнул отец и резко приказал: – Нападай!

Дану передёрнуло. Собравшись с мыслями, она не заставила себя долго ждать.

Первое её движение и... зрители поморщились, словно это они ударили кулаком о плоскую поверхность меча.

– Ай! – вскрикнула Дана и затрясла рукой. – Больно же! Так не честно – мы не договаривались, что ты будешь использовать меч.

– И не запрещалось, – у Брола лишь на мгновение, но мелькнула самодовольная улыбка. – Осталось семнадцать.

Дана несколько раз потёрла покрасневшие костяшки на кулаке и подошла к отцу. Он отступил на шаг и выставил меч перед собой, давая понять, что ближе к себе не подпустит.

Тогда она начала его обходить.

Кто-то раздражённо выкрикнул из толпы:

– Да отведи меч рукой. Не ударит же он тебя им, в конце концов.

Говорившего поддержал нестройный гул голосов: «Да!», «Не бойся!», «Атакуй!», «Не стой на месте!».

Дана последовала первому совету и протянула руку к лезвию меча. А потом резко сделала выпад, чтобы прикоснуться к сжимающей рукоять отцовской руке. Но Брол так же быстро, как и дочь, отступил, и снова её рука столкнулась с плос-

кой поверхностью меча.

Дана вновь вскрикнула от боли и в этот раз согнулась, прижав тыльную сторону ладони к животу.

Собравшийся народ недовольно загудел. Но Брол не стал подходить и утешать дочь. Ведь никто из них не обмолвился об окончании спора, а значит...

Воин правильно трактовал неудачный обманный манёвр дочери. Дана набросилась на Брола – как будто не она только что «умирала» от нестерпимой боли – видя, что тот не подходит к ней ближе. В этот раз она решила бить не кулаками, а открытой ладонью, желая повторить увиденный приём отца в бою с бывшим учеником. И если у Брола удары были чёткими и жёсткими, то у Даны это выглядело так, словно она отгоняет от себя мух.

Пять раз воин честно и добросовестно уворачивался от машущих рук дочери, но вскоре вся эта возня ему надоела, и он снова использовал меч как щит – блокировал и отбивал уже посиневшие руки.

– Пятнадцать, – подвёл итог Брол, когда Дана остановилась, чтобы потереть места, которые ещё не один день будут болеть после этого злосчастного спора. – Ещё три.

Дочь яростно посмотрела на отца. Тот спокойно стоял, сложив руки на рукояти меча.

– Может, хотя бы сейчас обойдёшься без своего оружия? – возмущённо процедила она сквозь зубы.

– Где твой контроль? – он задал неожиданный вопрос. –

Вольные должны уметь сдерживаться.

– Так ведь ты меня не учил... – Дана сначала растерялась, а потом ещё сильнее разозлилась, потому что отец требовал того, чего не давал.

– Ты не лучше того неуча. Из клана Волка.

– Так ведь ты меня не учил! – Дана, чуть ли не рыдая, уже кричала, чтобы её услышали.

– Этому не учат. Этому учатся.

– Какая разница!

– Тебя кормят с ложки. Или ты ешь сама. Какая разница?

– Не вижу разницы! Что так, что так – итог один – я ем с ложки.

Брол разочаровано покачал головой. Не сводя глаз с дочери, он аккуратно и даже с какой-то нежностью, несвойственной ему, положил меч на траву. После чего снова встал на прежнее место и развёл руки в стороны, раскрыв ладони.

– Три удара, – ровным голосом произнёс.

Дочь не понимала, чего отец хотел добиться от неё этой странной беседой, но он явно сбил её с настроем, а потом ещё и удивил, выполнив просьбу.

Со стороны забора снова доносились ободряющие крики: «Теперь ты точно достанешь его!», «Сделай это быстро!», «Покажи ему!».

Дана, заряженная энергией, исходящей от одобрительной толпы, наклонилась чуть вперёд, выставив руки перед собой, и пошла прямо на отца. Он же в этот раз не сходил с места.

Она быстро потянулась к нему, собираясь схватить, но Брол юркнул вниз и отскочил в сторону. Тогда она резко развернулась, махнув тыльной стороной ладони в сторону отца. В этот раз он просто отклонился назад, пропуская пальцы Даны прямо перед своим носом-картошкой.

Мгновенно сообразив, что отец находится в неудобной позиции и убежать никуда не сможет, дочь рискнула последним своим движением и прыгнула на согнувшегося Брола, вытянув вперёд обе руки.

Наконец-то отец будет обучать её всем премудростям Вольного клана, передающимся только по мужской линии. И в следующий раз доставать медяки из навоза будут Лисса, Була и вся их остальная компания. А ещё пусть только кто-то попробует хотя бы самую безобидную колкость сказать в сторону Вольного клана – тому мало не покажется.

Мысли в голове Даны пронеслись ярчайшими образами в одно мгновенье. А в другое – она уже лежала, растянувшись на земле в клубках пыли. Второй раз за день. Эйфорию как рукой сняло.

Отец же подошёл к мечу и бережно поднял его, как родную дочь. А на Дану лишь посмотрел своим холодным взглядом и бросил, словно песок в огонь, всего одно слово:

– Восемнадцать.

Угли от кострища в душе Даны ещё тлели, и она пока не собиралась сдаваться:

– Но разве я не дотронулась? Я же прыгнула прямо на тебя

– тебе некуда было деваться.

– Никогда не закрывай глаза. Особенно от ощущения победы. Которая ещё не наступила.

Дана и правда зажмурилась. Но это случилось само собой. Как и то, что она преждевременно обрадовалась выигрышу. Объяснять это отцу не хотелось. А вот что действительно хотелось, так это узнать, как же он сумел увернуться от неизбежного контакта с её рукой. О чём она и спросила.

– Это манёвр-приманка. Враг думает, что ты попался. И никуда не денешься. На самом же деле. Ты ждёшь раскрытия врага. Когда ты прыгнула. Я упал на спину. На том же месте. Пропуская тебя над собой. Была бы ты врагом. Я бы ударил. Двумя ногами. Пока ты летела надо мной.

Договорив, Брол прошёл мимо лежащей на земле дочери и направился к дому.

Дана не могла не заметить, с каким трепетом он относится к мечу. И будь тот человеком, она бы подумала, что даже с уважением. Её разозлило это. Нет, дочь почувствовала настоящую ревность к неодушевлённому предмету. Она не смогла сдержаться и выпалила:

– Значит, какая-то железяка тебе дороже меня?

– ? – немой вопрос читался на лице отца, когда он повернулся к Дане.

– Мне ты даже руку не подал, чтобы помочь встать, – тлеющие угли, приправленные огнеопасными чувствами, вспыхнули с новой силой в Дане. – А свой меч поднял так, словно

это хрупкий цветок.

– Ты не права. У меча нет рук и ног. У тебя – есть. У него нет выбора. У тебя – есть. Он не может подняться, если упал. Ты – можешь.

Понимая, что ей нечего возразить против железных доводов отца, Дана немного успокоилась и решила убедиться в своих выводах по поводу спора:

– Так что, получается, ты не возьмёшь меня в ученицы?

– Догадливая, – впервые за последние, уже и не известно, сколько дней – а может, и недель – отец её похвалил. Впрочем, Дана понимала, что это была издёвка.

– А может, ты мне дашь ещё несколько попыток? – поинтересовалась она, догадываясь, каким будет ответ.

– Не забывай. Ты проиграла спор.

Брол больше не обернулся к дочери. И не увидел её подавленный вид.

Народ потихоньку расходился, возвращаясь кто к привычному безделью, кто к отложенной работе.

А Дана ещё долго продолжала сидеть на прежнем месте на земле, прокручивая в голове варианты, как она могла бы дотронуться до отца. Дочь так до конца и не поняла, кто он – её отец. Если бы поняла – не пеняла бы на себя.

В мастерстве боя сынам Вольного клана равных в этом городе не было – в чём вскоре и убедились непрошеные гости, считавшие себя самой опасной троицей среди местных бандитов.

Глава 4. Обязанности Квэна

– Смотри, бабуль! – прямо с порога выкрикнул внук Старшей Рунного клана, вбегая к ней в спальню с листом в руке, которым он размахивал с явным воодушевлением.

– Квэн! Ни свет ни заря, уже принёс? – добродушно спросила она.

– Так ведь уже солнце светит вовсю. Отец и так долго меня сдерживал, чтобы я к тебе раньше не пришёл. Ладно. Думаю, в этот раз у меня всё получилось! – он положил рисунок на плед, которым его бабушка укрыла ноги. – К Руны Зрения я добавил несколько штрихов, взятых из Руны Выносливости. А вот эти линии скопировал с Руны Здоровья. Что скажешь?

Квэн уже полгода – с тех пор, как ему исполнилось шестнадцать – экспериментировал с рунами, чтобы создать такую, которая позволит продлить эффект от использования Руны Зрения. Старшая лично разрешила ему заниматься этим не только потому, что парень лучше других мужчин из их клана разбирался в рунах. И не только из-за аналитического склада его ума и всепоглощающего интереса ко всему новому, необычному, непознанному.

Всё дело в том, что у Квэна с семи лет ухудшилось зрение. И с того времени каждый день парня неизменно начинался с того, что кто-то из Вдыхающих жизнь Рунного клана рисовал на нём Руны Зрения.

– Поддай, пожалуйста, кисточку с краской, – попросила она, и Квэн из прикроватного сундука достал самую тоненькую кисточку и небольшой флакон с чернилами.

Старшая, даже особо не вглядываясь, ловко, а главное – идеально чётко нарисовала на своей руке Руну Зрения. Та засветилась зелёным и тут же впиталась в кожу.

– Вот теперь я тебя намного лучше вижу, – улыбнулась Старшая Квэну и взглянула на рисунок. – Тааак... Хм, неплохо. Только ты кое-чего не учёл. Все руны: и на выносливость, и на здоровье, и остальные – они ведь сами себя не продлевают. Не продлевают эффект, понимаешь? Взять ту же выносливость. Ты можешь выполнять работу, не уставая, но только в течение суток. Потом наступит такой откат, что ещё столько же времени будешь спать, как медведь во время зимней спячки. Так что у тебя, возможно, получится универсальная руна для зрения, выносливости и здоровья, а может и вовсе ничего не выйдет. Или же руна даст новый эффект. Это надо проверять.

– Я тоже так думал вначале. А потом решил, что необходимо поменять форму рун, может, именно в ней и заключена продолжительность действия? Поэтому я и вынес некоторые штрихи за границы обычной Руны Зрения. Ты проверишь действие? – словно в ожидании чуда, Квэн смотрел на бабушку просящими широко раскрытыми глазами.

– Не забывай: чем сложнее руна – тем дольше её рисовать. А Вдыхающая жизнь, в зависимости от своего опыта, врож-

дённного дара и его развития может использовать свой дар только определённое время. Если, к примеру, у меня дневной запас «вдыхания жизни» был бы всего десять вдохов, а рисовала Руну дольше, то она была бы бесполезной. Тут играет роль даже скорость дыхания. Твоя сестрёнка, пока ей пять лет, сможет «вдыхать жизнь» в руны не дольше семи вдохов. Если будет волноваться, переживать, её дыхание участится. Если же будет спокойна, то самую простую руну нарисует.

– Таковую, как Руна Сна?

– Если будет стараться и выучит её в совершенстве, что даже разбуди её ночью и попроси нарисовать – она без ошибок и быстро это сделает, тогда да, ей будет под силу Руна Сна.

– А сколько вдохов ты на самом деле можешь использовать свой дар?

– Вообще-то, Вдыхающие жизнь не сильно распространяются об этом, Квэн. Даже своим родным. – Заметив тень грусти на лице внука, Старшая погладила его по голове и добавила: – Но тебе я открою свой секрет. Сорок восемь, – в голосе пожилой женщины звучала гордость. – Даже моя бабушка могла «вдыхать жизнь» всего сорок один вдох.

– Это же сколько ты можешь нарисовать рун за день?

– Не знаю, – она пожала плечами. – Я же говорю, всё зависит от сложности.

– Ну, Рун Зрения, например? Или Рун... Неуязвимости?

– Опять ты рассматривал эту руну? Она тебе не нужна. Учить её тебе нет смысла, ты ведь не можешь «вдыхать жизнь». А тем Вдыхающим жизнь, кому ты будешь передавать свои знания, эта руна почти бесполезна.

– Но как же? – Квэн не мог понять, почему руну, наделяющую такой могущественной возможностью, не имеет смысла учить, даже если она сложна в рисовании.

– Эх, внучок, – вздохнула бабушка, понимая, что Квэн ещё мало прожил в этом далеко не радужном мире, где опасности могут поджидать за углом даже в самом надёжном, казалось бы, месте. – Во-первых, чтобы рисовать эту руну, понадобится много времени. Даже если бы я тысячи раз её повторила, у меня бы ушло не меньше сорока вдохов. К тому же, без волнения её не нарисуешь, а значит, и этого количества вдохов будет мало. В общем, если кто-то её и сможет нарисовать, то она будет единственной за день. Во-вторых, эта руна опасна. Она дарит своему владельцу, пусть всего и на сутки, но бессмертие. Его невозможно будет убить. А вот он, если это бандит какой или того хуже, может навредить многим. И нам же самим – в первую очередь. Поэтому мы даже не предлагаем эту руну тем, кто обращается за нашими услугами. В-третьих, смысла рисовать её на самой себе или на своих соклановцах тоже нет. Женщина сможет спастись, если нарисует на себе, а если целый клан попал в беду? Проще нарисовать Руну Скорости на всех, на кого хватит «дыхания жизни». Тогда убежать и спастись удастся больше, чем

одному человеку. Что касается мужчин... ты уж извини за прямоту, Квэн, но мужчины нашего клана не умеют сражаться. Ведь ваша цель – сохранить и передать знания следующей носительнице дара. Ну и конечно, от вас куда больше зависит, появится новое поколение Вдыхающих жизнь, или нет.

От последних слов Квэн покраснел, смущаясь и стыдясь одновременно. Он понимал, что бабушка права, но также понимал, что он – не воин, как те мужчины из Вольного клана, что жили с ними в одной деревне. Квэн был человеком, жаждавшим знаний и открытий. Человеком, который хотел сделать мир хоть чуточку лучше, но не за счёт кулаков и грубой силы, а за счёт ума и воображения. Человеком, который всем сердцем хотел бы уметь «вдыхать жизнь». Но это была прерогатива лишь женщин, не мужчин.

– А ты пробовала когда-нибудь её рисовать? Руну Неуязвимости? – Квэн выбросил из головы ненужные мысли и снова вернулся к любимому делу – узнавать как можно больше о Рунах.

– Когда я была такого возраста, как ты, в качестве наказания, я рисовала каждую руну из нашего фамильного гримуара по сто раз.

– Все сто двадцать пять? – изумился Квэн.

– Нет, – улыбнулась Старшая. – Шестьдесят лет назад их было сто девятнадцать. Последние шесть появились позже.

– Ух ты! И кто же нашёл новые руны?

– Одну – моя бабушка. Ещё одну – моя мама. Две – я, и

две – твоя тётя.

– И ни одного мужчины? – разочарование и даже какая-то злость за мужскую часть клана взяли верх над чувствами Квэна. Но всего на мгновение. – Я обязательно создам ещё одну руну! Как минимум!

– Не сомневаюсь, – серьёзно ответила Старшая, но всё с той же доброй улыбкой.

– Но для этого мне понадобится твоя помощь, бабуль. Вряд ли тётя или Рунэлла согласятся потратить своё «дыхание жизни» на опыты. А у Кэллы, как ты отметила, всего семь вдохов. Она не то, что целую руну, один элемент из неё не успеет нарисовать.

– Ты на сестрёнку не наговаривай. Однажды она станет Старшей клана и будет способна на многое.

– Это когда будет, – отмахнулся Квэн. – Так что, попробуем в мою наработку «вдохнуть жизнь»?

– После ужина. Вдруг кому-то срочно понадобятся руны, а остальные Вдыхающие жизнь уже истратят весь свой запас времени. Хорошо?

В глазах Квэна вмиг потух огонёк любопытства – его сменила бездонная яма разочарования и бессилия. Если бы только он мог «вдохнуть жизнь», не пришлось бы никого просить. А так – оставалось лишь ждать вечера и молиться богине, что она пришлёт как можно меньше желающих воспользоваться силой рун.

Квэн понимал, что именно благодаря людям, которые пла-

тят за руны, их клан и живёт. Очень даже хорошо живёт – так как нарисовать руну у Вдыхающей жизнь было недешёвым удовольствием. Для некоторых это означало возможность расстаться с недельным заработком. И всё же многие пользовались услугами Рунного клана. Конечно, действие рун длилось всего сутки – и это недолго, если сравнивать с услугами Амулетного клана или Тотемного. Но вот Танцевальный клан не мог похвастаться и такой продолжительностью. Зато Танцовщицы могли повлиять своим «дыханием жизни» сразу на всех зрителей, будь их десятки или даже сотни.

У каждого клана были свои минусы и плюсы. И Квэн старался насобирать как можно больше знаний обо всех кланах, в которых есть Вдыхающая жизнь. Он надеялся, что сможет найти что-то общее между этими кланами.

Одну общую черту Квэн всё же нашёл – каждую женщину, имеющую дар, называли Вдыхающей жизнь. Но вот почему их так называют – он только сейчас узнал. Да и то, не факт, что это было связано только со вдохами – временем, которое они могли использовать свой дар. А откуда такое понятие появилось, и какое отношение ко всему этому имеет Богиня Элиссия, он ещё не знал.

Поэтому Квэн твёрдо решил, что когда ему исполнится двадцать лет, он отправится в путешествие на поиски Вдыхающих жизнь других кланов. Возможно, они знают куда больше, чем его бабушка. И дадут подсказку о том, где искать ответы на вопросы, которых с каждым днём становилось всё

больше.

Квэн помог бабушке застелить кровать и сопровождал её к завтраку.

После приёма пищи Старшая раздала указания, кто и чем будет занят. Повесив все обязанности по уходу за домом, садом и кухней на мужчин, которые не хотели учиться или учить, оставшихся она назначила рисовать руны и контролировать мальчиков, чтобы те выполняли все задания. Квэну, как самому способному художнику, было поручено обучать его младшую сестру, чем он и занимался последние полгода. Ну а Вдыхающие жизнь пошли в ту часть дома, где они вели приём всех, кто желал приобрести силу рун.

Квэн, взяв Кэллу за ручку, отправился на утреннюю прогулку. Благодаря методу проб и ошибок он уже знал, когда сестрёнку лучше всего учить, а когда ей проще выделить час для беготни и игр, нежели попусту тратить время и нервы, причём как его, так и её.

Лучшим местом для баловства Кэллы Квэн считал Радужные ручьи. Эти ручьи стекали с гор, поэтому всегда радовали путников свежей прохладной водой. Также они нравились Квэну тем, что их ширина измерялась одним широким шагом, поэтому максимум, что могло случиться с его сестрой во время такой прогулки – это промокшие ноги. Брат не переживал даже о её падении – Кэлла для своих лет бегала аккуратно и довольно быстро, а по деревьям лазила не хуже обезьяны, правда, на Радужных ручьях росли только кусты и

трава, что также являлось раем для Квэна. Он приводил её сюда, и она гонялась то за лягушками, то за кузнечиками, а потом вся грязная, но безумно довольная, слушалась брата.

Пока сестрёнка прыгала, скакала, резвилась, Квэн садился под кустом, доставал листы бумаги со срисованными рунами и разглядывал их, как произведение искусства, пытается расшифровать, на что влияет та или иная деталь общей картины.

Но кроме разбора рун, он ещё любил созерцать каждый ручей. Сколько бы раз Квэн не приходил в это место, он словно впервые видел семь русел разного цвета. В одном – под журчащей водой золотился песок, в другом – дно позеленело от тины, в третьем – глина придавала охряный оттенок. Где-то ракушки создавали необычный окрас, где-то – галька, из-за чего казалось, словно неведомая сила вырвала эти ручьи из сказок, которые мама Квэна читала ему в детстве перед сном, и перебросила сюда.

Так всегда начинался хороший день. А бывали и плохие – когда взрослые пастухи отдавали стада своим детям и те непременно забредали с овцами и козами на Радужные ручьи.

Квэн не имел ничего против того, чтобы животные паслись в его любимом месте – они вели себя спокойно и миролюбиво. Чего нельзя было сказать о малолетней безмозглой шпане, любившей побросать в него грязью.

Дети пастухов знали, кто такой Квэн, и ненавидели его за

то, что ему не надо было трудиться, как им. При этом жил он, как у богини за пазухой – спал на мягких перинах, ел вкусную еду, и при этом ничего не делал. Каждый из этой ребятни завидовал, что именно он, Квэн, родился в Рунном клане, а не они.

А вот Кэллу дети боялись. Они понимали, что Вдыхающую жизнь нельзя обижать, иначе родители их потом высекут, как заблудившегося ягнёнка, чтобы неповадно было. Поэтому нападали на Квэна только тогда, когда девочка отбегала подальше от своего брата.

– Эй, стручок, лови гостинец, – крикнул один из детей и бросил в Квэна грязевой комок. Проследив за прямым попаданием в чистую голубую рубаху, мальчишка засмеялся и развернулся, чтобы побежать к приятелям, но поскользнулся и упал.

Сначала послышался хруст, слышимый только ему. А после Радужные ручки огласил детский крик.

Глава 5. Незаслуженная помощь

– Не шевелись. Лежи спокойно, – Квэн присел рядом с пострадавшим.

Услышав крик мальчика, только что превратившего его свежую рубаху в грязную тряпку, он тут же бросился на помощь, даже не задумываясь о мести и обиде.

Кэлла же встала рядом с братом и с любопытством смотрела, не в силах взять в толк, почему растянувшийся в грязи мальчик ревет, совсем как она, когда чем-то недовольна.

– Почему он плачет? – сестрёнка включила «почемучку». – И зачем он вымазался? Если меня в таком виде увидела бы Старшая или мама с папой, потом целый день без сладкого бы ходила.

– Сейчас и узнаем, – ответил Квэн и обратился к мальчику: – Как тебя зовут?

– Меня, – всхлип, – Боней батька с мамкой, – всхлип, – кличут.

– Что у тебя болит, Боня? Можешь показать? Только осторожно.

Мальчик кивнул, шмыгнув носом, и показал пальцем на правое колено, не дотрагиваясь на него.

– Только там? Больше нигде не болит? – Боня помотал головой, и Квэн продолжил: – Хорошо. Значит, сейчас ты сможешь поднять туловище. Я помогу.

Теперь, когда мальчишка сидел на земле и всхлипы стали реже, Квэн потянулся руками к тому самому колену, на которое указал Боня.

– Так, не бойся! Я сейчас буду еле-еле дотрагиваться к колену, а ты скажешь мне, где болит, а где нет, хорошо?

Квэн принялся ощупывать ногу, начиная с голени и продвигаясь вверх. Когда же его пальцы слегка нажали ниже колена, мальчик вскрикнул.

– Значит, тут? Ладно. Я сейчас продолжу трогать вокруг этого места, чтобы понять, где начинается твоя боль. Обещаю, я буду очень осторожен.

Боня поёжился и втянул голову в плечи, словно готовясь, что его вот-вот лишат ноги – эти мысли выдавал и страх в широко раскрытых заплаканных глазах на застывшем лице.

Пару раз мальчик зашипел, когда Квэн щупал вокруг его колени, а потом услышал неутешительный вывод из уст своего «доктора»:

– Я, конечно, не специалист в этом деле, но уже успел насмотреться на такие увечья. Когда к Вдыхающим жизнь приходили хромающие люди, я не раз и сам под наблюдением Старшей, вот так, как с тобой, искал причинное место боли. Что я могу сказать. По-хорошему, тебя надо бы показать лекарю. Но для этого туда надо добраться. Можно было бы и Руну Исцеления применить, но я не имею дара, а моя сестра её ещё плохо рисует. И ме-дле-нно, – Квэн посмотрел на девочку, а Кэлла, поймав его взгляд, вздёрнула носик, скре-

стила руки на груди и повернулась спиной. – Правда, есть ещё четыре Руны... Хотя, если использовать Руну Окаменения, тогда можно каменной ногой... нет, не пойдёт. А может, Руну Лёгкости? Станешь как пушинка. Нет, тоже не то... А, вот! Руна Выносливости позволит тебе допрыгать на здоровой ноге... – Квэна понесло по любимой тематике, но его тираду прервал плач Бони.

– Чего это он? – Кэлла снова повернулась к мальчишке и удивлённо взглянула на него.

– Я, – всхлип, – попытался согнуть, – всхлип, – ногууу.

– Что ж, надо быстрее выдвигаться. Что толку размышлять о рунах, если ими нельзя воспользоваться.

Квэн встал напротив Бони и потянул его за руки на себя. Кэлла же помогала, как могла, толкая мальчишку в спину.

– Сам ты не дойдёшь. Твои друзья, как я посмотрю, уже отогнали стадо подальше и не собираются тебе помогать, – затем Квэн спросил у сестрёнки: – Что скажешь, Кэлла? Проводим его до лекаря?

То ли чтобы помочь Боне, то ли – чтобы как можно позже приступить к занятиям по рисованию рун, Кэлла быстро согласилась.

Так, медленно и опираясь на плечо Квэна, мальчишка поковылял по тропинке, уводившей от Радужных ручьёв к дороге в деревню. Пока шли, ребята разговорились, и, стыдясь своего поступка, Боня признался, что не знал, какой на самом деле Квэн – хороший человек. И для него, Бони, это

оказалось неожиданностью.

Детвора, рождённая в деревне Рунной, но не в Рунном клане, считала, что вся мужская часть столь благородного клана заносчива и высокомерна. Они видели, как он, Квэн, часто ходит на рынок или куда-либо спокойным, прогулочным шагом, тогда как им, детям пастухов, приходилось постоянно спешить.

Квэн же в свою очередь признался, что он нарочно ходит медленно. Отчасти потому, что любит наблюдать за окружением: за природой, за людьми, за их работой, а отчасти – по причине постоянной занятости в стенах дома. Да, он не пас овец, не вспахивал землю, не тренировался, как люди в Вольном клане или в семьях наёмников, которые не могли официально называться кланом, так как у них в родстве имелось меньше двадцати пяти человек.

Но ему в возрасте Боны, то есть шесть-семь лет назад, приходилось сразу после семейного, точнее, кланового завтрака садиться за рисование рун, и заканчивал он только тогда, когда солнце заходило за горизонт, уступая место темноте. И так происходило каждый день вплоть до шестнадцатилетия.

Мало того, он, Квэн, завидовал обычным ребятам из деревни, которые нередко играли в догонялки, стоило им собраться хотя бы на десять минут вместе. Его же развлечениями в детстве были только истории, которые рассказывала Старшая. Она, пожалуй, была единственной, кого Квэн

раньше – да и сейчас – мог назвать настоящим другом. Но у неё было не так уж и много свободного времени для внука. Она могла позволить себе пообщаться с ним лишь утром – до завтрака, и вечером – перед сном, когда оставляла свои заботы о клане.

Квэн так проникся беседой с новым знакомым, что под нахлынувшими эмоциями предложил Боне то, чего никогда до этого никому не предлагал. Как раз когда они дошли до развилки, где одна дорога вела к лекарю, а другая – к дому Рунного клана, Квэн спросил, решив зайти издалека:

– А ты хоть раз бывал у нас дома? Может, твои родители пользовались услугами Рунного клана?

– Какой там. Руны – это дорого. Батька говорит, что их могут позволить себе или наёмники, или Вольный клан. А простому люду, как мы, они не надобны.

– Не скажи. Если, например, надо огромный камень передвинуть, чтобы участок расширить, то деревенские могут попросить нарисовать Руну Силы, и тогда они не только от камня избавятся, но и с лёгкостью смогут выкорчевать пни, а запрягись они в плуг – за день сделают работу, с какой лошадь и за неделю не справится.

– Да быть того не может. Не слыхивал я о таком!

– Уж поверь мне – я видел. И стоит это не так уж и дорого. За Руну Силы Вдыхающие жизнь берут тридцать медяков или три серебрянника.

Боня присвистнул.

– Да это как за среднего хряка отдать. Нее, дороговато будет.

– Так что, получается, ты ни разу не видел, как Вдыхающие жизнь рисуют Руны? – Квэн понял, что пример с Руной Силы был неудачен, и решил вернуть разговор в самое начало.

– Получается так.

– А хотел бы?

– Ты ещё вопрошаешь? Конечно! Каждый хочет.

– А давай тогда к нам, – решился Квэн, но внутренне напрягся, опасаясь, что Боня откажется.

– Прямо сейчас?

– Почему бы нет?

– А меня впустят? Ну, я же как бы... из простого люда, ещё и грязный, – Квэн видел, что мальчишка хочет пойти, но боится. И поэтому решил немного его подбодрить, приукрасив правду:

– Поверь, к нам часто ходят разные люди. И мы не такие, как ты себе нас нарисовал. Ты ж сам сказал, что я не такой, как ты думал. И вообще, ты со мной! Я же, как-никак, часть Рунного клана, – в последнем высказывании Квэн покривил душой, так как не ощущал себя полноценным членом своего клана. И причиной было всё то же неумение «вдыхать жизнь».

– А как же лекарь? Ты ведь сам говорил, что лучше сразу к нему.

– Моя бабушка не хуже него вылечит тебя.

– А... у меня таких денег нет, – испугался Боня, представляя, что если его сейчас вылечат, то потом ему придётся всю жизнь рабом прислуживать Рунному клану. – Тридцать медяков – это очень много для нашей семьи.

– Не переживай, – улыбнулся Квэн, – они не нужны. Бабушка задаром тебя вылечит.

– Думаешь, она станет помогать... просто так? – с сомнением спросил Боня. – Но я не слыхивал, чтобы кого-то лечили, а потом с него ничего не взяли.

– Конечно, станет, – Квэн приложил все силы, чтобы его голос звучал уверенно, и продолжил придумывать на ходу: – А не слышал ты, потому что просто так Рунный клан помогает только друзьям. И те никому не разбалтывают об этом.

– А разве я – твой друг?

Квэн замешкался. Он понимал, что мальчишка, который совсем недавно и знать тебя не знал, мало того – презирал тебя, не может быть другом. Но ведь с другой стороны – у Квэна не было друзей, и он не знал, что значит «друг». К тому же, Боня был первым за все шестнадцать с половиной лет посторонним человеком, который нормально общался с ним, с Квэном. И уже за это мальчишка заслужил того, чтобы называться другом. Пусть всего и на один день.

– Сейчас – да. Пойдём, – ответ звучал твёрдо и в этот раз по-настоящему уверенно.

И они продолжили свой путь, свернув в сторону дома Рун-

НОГО КЛАНА.

Глава 6. Злая правда

– Нет, Квэн. – Ответ, которого не ожидал внук от Старшей, прозвучал, когда они отошли к окну, чтобы никто не подслушал разговор, а Боню оставили сидеть на кресле. – Ты ведь знаешь, что мы ограничены во времени с нашим даром, и всё равно хочешь помочь незнакомцу?

Перед началом беседы Квэн успел лишь вкратце рассказать о случившемся, опустив ту часть, где этот мальчишка кидал в него грязью. А в конце добавил, что хотел бы помочь ему. И если возможно – не требуя с него ни медяка.

– Его зовут Боня. И мы уже знакомы, – чуть улыбнулся внук.

– Это не серьёзно, Квэн. Да, мне тоже жалко мальчика. Но мы не можем помогать каждому встречному, тем более, когда с ним случился такой пустяк. Ещё и задаром. Знаешь, стоит одному оказать такую услугу за «спасибо», как слух об этом распространится быстрее, чем звук от твоего чиха. Следом последуют возмущения, почему это мы одним помогаем и не берём с них плату, а других – чуть ли не обкрадываем. Так что надо было его отвести сразу к лекарю.

– Мы думали об этом, но я настоял на своём. И его нога – не пустяк, – в голосе Квэна слышалось напряжение.

– Не пустяк... – задумчиво протянула Старшая и решила объяснить, почему так сказала: – Извини, я неправильно

выразилась. Но ты пойми, сейчас только утро – даже полдень ещё не наступил. А это значит, что к нам могут прийти немало людей, чтобы воспользоваться нашим даром. И представь себе: мы помогли твоему другу, а под конец дня к нам приносят человека со смертельно опасной раной. Но к этому времени мы уже использовали всё своё «дыхание жизни», включая лечение ноги этого твоего друга. И как думаешь, что произойдёт с тем действительно нуждающимся в силе рун человеком?.. Понимаешь, почему я назвала проблему с ногой у твоего друга «пустяком»? Его ногу можно вылечить и обычным способом. Да, это займёт немало времени, но это естественный процесс. А есть случаи, когда нельзя ждать – и тут, конечно, не обойтись без рун.

– А если бы таким человеком, которому срочно нужна помощь, оказался Боня? Если бы он был при смерти? Что бы ты тогда сказала? Что он всё равно не жилец, потому что такие люди, как он – долго всё равно не живут?

– Какие «такие», Квэн?

– Такие, которые не могут позволить себе заплатить за Руну Лечения. Бедные люди.

– Квэн, если бы он действительно нуждался в Руне Лечения, и от этого зависела его жизнь, я бы даже не стала заводить с тобой эту беседу. Я бы тут же «вдохнула жизнь». И поверь, не взяла бы ни медяка.

– А как же слухи, о которых ты говорила? Как же возмущение народа?

– В этом случае их бы не было. Люди прекрасно понимают: спасение жизни – это... спасение жизни. За это не требуют деньги. А лечение ноги, которая и так сама заживёт в лучшем случае через два дня, а в худшем – через пару месяцев, это уже прихоть. – После некоторой паузы Старшая добавила: – Эх, Квэн. Ты хороший человек, добрый. Но нельзя быть таким.

– Хорошим и добрым? – не понял он.

– Помогать всем подряд. Нет, помогать можешь. Но ты должен знать меру. Ты ведь осмотрел его и, выяснив, что и где болит, помог ему дойти в деревню. Это уже немало. Путь от Радужных ручьёв долог, а с человеком, который может наступать лишь на одну ногу тире и того длиннее.

– И всё же я хотел бы ему помочь до конца. Кроме того, я пообещал ему.

– А вот это ты зря. Да, нельзя было тебя так воспитывать, – задумчиво произнесла Старшая. – Надо было отправить тебя на месяц-другой в Вольный клан. Там бы ты получил все уроки жизни за короткое время, пусть это и было бы болезненно для тебя. В принципе, ещё не поздно. Но... у тебя такая тяга к рунам, что даже Вдыхающая жизнь может позабывать... Что же с тобой делать... Не знаю...

Квэн впервые посмотрел на свою бабушку совершенно с иной стороны. Он не думал, что она может быть такой... жестокой по отношению к нему. Она всегда одаривала его добротой, теплом и лаской. А ещё он не думал, что Старшая мо-

жет отказать в помощи ребёнку, пусть и не принадлежащему Рунному клану. И вместе с тем, где-то глубоко в сознании понимал, что она права. Впрочем, как всегда.

А всё же ему было интересно – если бы он, Квэн, оказался в положении Бони, бабушка продолжала бы так размышлять? Или всё же нарисовала руну? А ещё он вспомнил о ежедневной процедуре, ставшей уже чуть ли не традицией, когда ему с самого утра накладывали Руну Зрения. Ведь может случиться и такое: на нём нарисовали руну, а вечером из-за него кто-то умер, потому что Вдыхающая жизнь потратила весь свой дар, который восполнится только к следующему утру после сна. Ему стало страшно думать об этом, и он вернулся мыслями к мальчишке:

– Давай сначала решим, что будем делать с Боней.

– Я тебе уже сказала, что мы не можем ему помочь, если только он не заплатит за руну.

– Но я же пообещал...

– Вот и придумай, как выкрутиться. – Старшая развернулась, устремив взгляд в сторону бескрайних зелёных полей за окном, дав понять, что разговор закончен.

Путь к лекарю проходил в молчании; ни один из парней не торопился начинать разговор. Кэлла же осталась дома выполнять задания, которые дала Старшая. Боня различил оттенки многих негативных чувств на лице своего названного друга, поэтому не стал спрашивать о том, почему Старшая отказала нарисовать на больном месте Руну Лечения.

В какой-то степени он был рад этому. Привычный к своему окружению, мальчишка и так ощущал себя не в своей тарелке, находясь в доме самого могущественного клана деревни, да ещё и испытывал неловкость: за него, чужака и незнакомца, просит родственник Старшей Рунного клана, чтобы та использовала свой дар просто так.

Поэтому когда они покинули место скопления аж трёх Вдыхающих жизнь, Боня облегчённо выдохнул. Он даже стал бодрее наступать на здоровую ногу, но больную всё так же держал согнутой.

Погружённый в размышления о том, как бы оправдаться перед мальчишкой, почему не выполнил своё обещание, Квэн вдруг заметил, что тот вовсе не расстроился, а даже наоборот.

– Ты не обижаешься на меня? – Квэн первым нарушил молчание.

– С чего бы? Это же я виноват, что кидался в тебя и плюхнулся так неудачно.

– Ты знаешь, что я не об этом. Извини, что не вышло вылечить твою ногу. Понимаешь, тут такое дело... – замялся Квэн.

– Да я понимаю, – мальчишка заметил его нервозность и решил помочь. – Там у вас все заняты, наверное, – они оба видели, когда пришли, что желающих нанести руну не было, – да и вряд ли вы занимаетесь такими пустяками, как моя нога, – Квэна аж передёрнуло, когда он снова услышал сло-

во «пустяк», но Боня не заметил и продолжал: – Да и вдруг пришёл бы кто-то, у кого всё хуже, а я бы только мешал. Это же, небось, много времени надо провозиться со мной, – то, что задаром, он решил не добавлять.

Квэн поразился размышлениям мальчишки. Ведь тот говорил почти так же, как Старшая, а он, Квэн, не понимал всего этого. Тут он вспомнил про слова бабушки о том, что, мол, было бы неплохо отправить внука к Вольным в клан, и начал догадываться, почему. Так получалось, что жизнь и воспитание Квэна протекали как бы мимо внешнего мира, и он, Квэн, не разбирался ни в чём, кроме рун и присмотра за сестрёнкой.

Да, он любил наблюдать за окружением, но никогда не принимал участие в том, что творилось вокруг. И его никогда не касалось то, что он видел. Если не считать прилетавшие иногда в него комки грязи, щедро выпускаемые детьми пастухов, что он списывал на обычное озорство. Такое, какое было свойственно Кэлле.

Но встреча и ситуация с Боней дали трещину в мировосприятии Квэна. Теперь он и сам хотел попробовать пожить в Вольном клане, даже не подозревая, что в этом случае его жизнь в мгновение ока превратилась бы в одну сплошную боль. Он бы просто не вынес той нагрузки на мышцы и психику, которой подвергалась во время тренировок вся мужская часть Вольного клана, начиная с трёх лет и заканчивая тридцатью. Причём как раз с шестнадцати начинались тре-

нировки в полевых условиях, где получить серьёзную травму не составляло особого труда. И опытные бойцы могли уже начинать брать молодняк с этого возраста на задания.

– Эй! – окликнули сбоку, и Квэн с Боней повернулись на голос. – А ну, отпустить моего брата. Нечего его трогать.

– Он помогает мне, Рукс! – крикнул Боня парню, на вид выглядевшему ровесником Квэна, только плечистее и крепче. – У меня что-то с ногой и я не могу сам идти, вот он...

– Цыц! Тебя никто не спрашивал. Знаю я, что с тобой случилось – мне твои дружки уже всё разболтали. И про то, что вы кидались в этого, – он кивнул на Квэна, – и про то, что вы убегали от него, и про то, что он тебя поймал. И что куда-то увёл.

– Нет, всё не так было! – возмутился Боня.

– Я сказал цыц! С тобой мы ещё дома поговорим. Уверен, батька очень обрадуется твоим играм с бросанием грязи, – Рукс ухмыльнулся. – Особенно, когда узнает, в кого ты метил. А вот ты! – он уже обратился к Квэну, – Я бы отмутузил тебя прямо сейчас за своего младшого...

– Да он не виноват! – снова выкрикнул Боня.

– Не лезь, когда старшие разбираются, – и продолжил свою речь, обращённую Квэну: – И я бы не посмотрел, что ты из Рунного клана. Но батька не поймёт. Чего он так боится? Ты же всего лишь прислужник для своего клана. У вас же заправляют всем бабы.

– Не смей... – сквозь зубы процедил Квэн.

– А то что? Расскажешь хозяйкам, что бы они нарисовали на мне Руну Проклятия? Даже если такая и есть, – засмеялся Рукс, – они этого не сделают. А знаешь, почему? – и сам же ответил, довольный своей шуткой: – Потому что им никто за это не заплатит! Ахаха.

Вдоволь насмеявшись, он подошёл к младшему брату, закинул его себе на спину, обхватив ноги мальчишки выше колена, чтобы тому не было больно, и отправился не в сторону, где жил лекарь, а туда, где находились дома пастухов.

Квэн же и не пошевелился. А что он мог сделать? Он понимал: ни-че-го.

Простояв так, пока две фигуры не исчезли за поворотом, Квэн отправился домой. Прислуживать своим хозяйкам.

Глава 7. Ежегодная традиция или «Попробуй, угадай!»

– Теперь твоя очередь, Гларта! – крикнул Видящей себе-седник, как только из комнаты вышел шустрый паренёк, на вид лет семи, и закрыл за собой дверь. Двое молодых людей сидели друг напротив друга на расстоянии пяти метров и развлекались игрой, полезной для тех, кто обладал их особым даром.

Черноволосая девушка с тонкими чертами лица убрала руки от ушей и пристально посмотрела в глаза своего родственника – она и сама не помнила, кем он приходится ей: знала лишь, что Мирт – сын женщины, которую их бабушка называет племянницей по линии третьей жены отца, и он был на год старше её, Гларты.

У самой же Гларты не было родителей – она осталась сиротой в десятилетнем возрасте и уже столько же лет жила с бабушкой. Мать имела сильный дар Видящей и могла за секунду рассчитать из сотен вариаций будущего ту, которая воплотиться в настоящее – не без помощи её же вмешательства.

Так вышло, что однажды они всей семьёй добирались пешком до главы клана – на очередной день рождения. Отец Гларты подвернул ногу, из-за чего темп замедлился, и тем-

нота застала их в лесу. Как и стая волков. Мать Гларты увидела сотни вариаций нападения хищников, и в каждой, кроме трёх, погибала вся семья. В оставшихся же версиях девочка выживала: в одной – с прокушенной ногой, в другой – лишившись пальцев на руке, и только в последней – целой и невредимой.

Об этом Гларта и узнала от плачущей матери, которая понимала, что вскоре погибнет и надеялась, что её предсказание сбудется. Они всегда сбывались, но когда на кону жизнь родного дитя – начинаешь сомневаться во всём и неистово молиться богам. Что мать Гларты и сделала – попросила помощи у Бога Времени Врарта, чтобы её дочь осталась жива и невредима.

В годовщину смерти родителей осиротевшая девушка всегда погружалась в воспоминания, приносящие ей боль. Но она перестала отвлекаться и снова вернулась к игре.

– Не очень умно учить такому своего брата, – заметила Видящая, когда воспользовалась даром.

– Так что? Что он сделает? – ухмылялся Мирт.

– Ничего. Я ему не разрешу снять штаны и сходить в туалет прямо здесь. Ты вообще в своём уме? Или у вас так принято делать в гостях? Приезжаешь со своими родителями раз в год – на день рождения бабушки, и постоянно чем-то отличаешься. В том году предсказал слуге, что жена его убьёт – бедолага у нас в подвале ночевал, пока через неделю не пришла его жена и правда чуть его не прибила, она думала, что

он завёл любовницу и убежал с ней.

– Так то же шутка была, – довольная улыбка Мирта растянулась на всё лицо.

– Тебе шутка, а нам – головная боль. А два года назад?

– А что два года назад? – притворно удивился Мирт, даже не скрывая самодовольства.

– Пока я спала, вытащил меня на задний двор, вокруг разлил что-то, напоминающее кровь, и так испугал нашу бабушку, что у неё чуть сердце не остановилось.

– Разве это я сделал? Если мне память не изменяет, виновного так и не нашли. А я и правда, как увидел тебя, да в таком виде – действительно подумал, что ты... того, – Мирт наклонил голову, высунул язык и выпучил глаза.

– Как же. Так я тебе и поверила, что ты не имеешь к этому никакого отношения. Только мне до сих пор не понятно, почему я не проснулась, пока ты имитировал мою смерть? – Гларта пристально посмотрела на него, а тот лишь молча улыбался в ответ.

– Малой, можешь заходить! – вновь крикнул Мирт, но в этот раз уже своему брату.

Как только тот вошёл, Гларта подскочила к нему и, не давая возможности стянуть штаны, остановила его.

– Если ты действительно хочешь сходить в туалет, то лучше иди в специально отведённое место. Не надо слушать своего старшего брата, – она взглянула на Мирта и добавила: – Вообще никогда его не слушай, понял?

Паренёк просто кивнул и тут же убежал из комнаты.

– Что ж, теперь ты скажи, что видишь в скором времени? – злорадно спросила Гларта.

Мирт посмотрел на свою родственницу, медленно, как бы в нерешительности, встал, а затем вдруг бросился к выходу из комнаты, на ходу выкрикивая:

– Не достанешь.

И уже через мгновение исчез за дверью.

– Поверь уж, это случится, – тихо произнесла девушка, глядя ему вслед.

Вскоре все приглашённые собрались в общем зале огромного особняка – единственного трёхэтажного дома в деревне, который ярко выделялся из местной архитектуры, словно гриб-гигант, спрятавший под своей шляпкой маленьких собратьев по мицелии.

Огромную комнату, кроме двух круговых лестниц по бокам, украшала трехъярусная люстра с сотней свечей. В центре стояли столы с различными яствами и напитками. Несколько слуг ходили туда-сюда между столами и разносили бокалы с вином. А гостей собралось изрядно – не меньше пятидесяти человек, и все – из клана Видящих.

Каждый год на протяжении последних тридцати лет, несмотря на долгую дорогу, а для кого-то и неудобную, люди, родившиеся в семьях со способностью Видеть, неизменно следовали традиции – собирались вместе в доме главы клана в день её рождения.

– Здравствуйте, дорогие гости, – на балкончике, объединяющем две лестницы, появилась виновница торжества, одетая полностью в чёрное. Прожитые годы не пощадили лицо старой женщины, запечатлев на нём самые частые эмоции, которые испытывала именинница на протяжении всей жизни. Казалось, что она одновременно хмурится и ехидно ухмыляется, но взгляд показывал, что она стоически вытерпит все удары судьбы – цепкий, холодный и колючий, он заставлял отводить глаза даже самых сильных, крепких и уверенных в себе мужчин.

Стоило главе клана сказать приветствие, как все громко зааплодировали. Выдержав небольшую паузу, она подняла руку, и в зале воцарилась идеальная тишина.

– Я рада видеть всех вас так же, как и вы меня. Сегодня у меня не просто день рождения, а юбилей. Круглая дата, отмечающая на календаре моей жизни уже восьмидесятый год, – голос главы клана звучал соответствующе её внешнему виду, и эти твёрдость и сталь, как и ироничность, замечали все слушатели. – Знаю, не всем по нраву каждый раз добираться до деревни, где я прожила всю свою жизнь. Могу лишь посочувствовать вам и пожелать терпения, ведь я не собираюсь так просто отдавать бразды правления нашего клана. Да и не виновата я, что вы или ваши предки не захотели продолжать жить на этой земле, а разбрелись кто куда. Но, это не мои проблемы, а ваши. Как всегда, после приветственной части мы с вами сделаем то, ради чего все вы

на самом деле сегодня и собрались. И не надо притворяться, что причиной служит лишь день рождения старухи, – тут она злорадно ухмыльнулась. – Все вы хотите почувствовать власть главы клана Видящих. Поэтому, начнём же нашу церемонию. Чтобы было честно по отношению ко всем, я не буду в этот раз вызывать лишь желающих. Я приказываю тем, кто имеет дар Видения, выстроится в один ряд передо мной. Остальные, кто не может Видеть, или кому ещё не исполнилось восемнадцать лет – отойдите в стороны.

Из всех собравшихся в зале в линию построились шестнадцать человек: десять мужчин и шесть женщин.

– Сейчас к каждому из вас подойдёт слуга, и вы должны будете вытянуть палочку. Те двое, у кого выпадет короткая – начнут борьбу за место главы клана.

Как и сказала именинница, у каждого Видящего была возможность выбрать из шестнадцати одинаково торчавших из-под полотенца палочек одну.

Первыми вышли Мирт, на лице которого красовалась хитрая улыбка, и его пухлый дядя с покрасневшим от выпитого вина носом, но не лишённым сосредоточенности взглядом.

– Первым этапом, из которого во второй выйдут восемь человек, будет проверка на умение Увидеть из общего конкретное. В коробке лежит сорок разных вещей. Вытяните одну, положите её на пол и обведите углём так, как она упадёт, когда разбросают все эти предметы.

Мирт достал деревянную фигурку лягушки и в двух ша-

гах от себя обрисовал её по контуру. Но кроме неё он также вытащил деревянный кубик, который спрятал во внутреннем кармане пиджака? сюртука?

Красноносый мужчина же выбрал тряпичную куклу и положил её так, что она смотрела головой в сторону главы клана. Затем, обрисовав такое положение, вернул её обратно в коробку.

Высокий худощавый слуга подошёл к старым игрушкам Гларты, перемешал их и, как выливают воду из ведра, высыпал содержимое коробки между двумя Видящими.

Мирт ждал, когда покажется кукла, и стоило той полететь на место, нарисованное дядей, как он достал спрятанный кубик и попал им в цель. Кукла приземлилась туда, где предсказал дядя, но головой в сторону Мирта. Его же фигурка лягушки стала именно так, как он и обвёл.

– Ах ты, мелкий... – теперь у дяди покраснело всё лицо, как до этого нос.

– Хватит! – гаркнула глава клана.

– Но он же...

– Он ни при чём. Ты должен был знать о его поступке и угадать положение игрушки с расчётом вмешательства твоего племянника. Ты вылетел. Дальше проходит Мирт.

Мирт издевательски поклонился дяде, не отводя взгляда от него и не убирая свою ухмылку. Затем развернулся в сторону бабушки и просто кивнул ей головой, на что она ответила тем же. После чего, довольный собой, он отправился к

столам с закусками.

Так выбирали игрушки и предсказывали их падение остальные пары. Глава клана не имела ничего против того, чтобы противники мешали друг другу, но главным условием было не двигаться с места. Кроме того, если игрушка уже остановилась после падения, то дальнейшее вмешательство со стороны соперников считалось недействительным.

Если же оба предмета оказывались на тех местах, которые им предсказали – что случилось всего дважды – в таком случае дотошно рассматривался каждый штрих контура, обведённого вокруг игрушек. У кого он оказывался более чётким – тот и выигрывал.

Последней, восьмой парой, оказались Гларта и Марта – девушка, у которой день рождения был на прошлой неделе, и ей исполнилось те самые восемнадцать лет, разрешавшие принимать участие в церемонии. По виду и по глазам девушки сразу было понятно, что в ней ещё остались те невинность и наивность, которые редко встретишь среди людей, обладающих даром Видеть. Гларте даже стало жалко её, поэтому она решила не предпринимать никаких действий по отношению к ней.

Когда Гларта Увидела первые пятьдесят вариантов будущего, она заметила, что в каждом ей будет мешать отец Марты. Поэтому решила сделать то, что ещё никто не делал до неё, а именно...

– Давай ты первая, Марта, – предложила Гларта.

Девушка кивнула, опустив глаза. Её внимание привлекла любимая детская игрушка Гларты – статуэтка Врарта, запечатлевшая его в образе человека, у которого не видно лица, так как голову скрывал капюшон бесформенного балахона, из-под которого выглядывала длинная борода. В одной руке он держал посох, а указательный палец другой был направлен вперёд. Этот самый палец лежавшей в ящике статуэтки словно указывал прямо на Марту.

Когда она обрисовала контур и положила фигурку Бога Времени к остальным предметам, Гларта выбрала её же.

– А разве так можно? – спросил отец Марты у главы клана.

– А что тебя смущает, сынок? – последнее слово она выделила, подарив сыну холодную полуулыбку.

– Бабушка, – обратилась Гларта к ней, – так как мы обе выбрали одну и ту же фигуру, разреши твоему сыну – моему родному дядечке – бросить её с балкона, стоя рядом с тобой.

– Ахаха, – засмеялась глава клана. – Не зря ты моя любимая внучка. Решила выиграть рукой отца соперницы?

– Если учитывать, что он и так собирался помешать мне, так пусть он же и поможет мне выиграть у своей дочери.

И «сынок» главы клана бросил статуэтку. Лишь одному Богу Времени было известно, почему она не разбилась.

Только закончился первый этап, как начался второй.

– Гларта и Мирт, – объявил слуга первую двойку соперников.

Глава 8. «Весёлые пальчики»

Мирт, услышав, кто вытянул жребий вторым, не выдержал и засмеялся.

– Ну надо же, вот это совпадение! – воскликнул он.

– Ты уверен, что это совпадение? – Гларта вернула ему точно такую же ухмылку, какая красовалась на его лице. – Или, думаешь, я зря называюсь Видящей? Вот ты и попался, а говорил, что я не достану тебя.

– Ой, напугала, – Мирт наигранно поднял руки вверх, но от Гларты не ускользнуло, что под притворством скрывается тень настоящего чувства.

– Разве же это «напугала»? – спросила она у него, а потом повернулась к главе клана и обратилась к ней: – Бабушка, а можно выбрать игру с ножами?

– Дорогая, у него нет опыта, – когда именинница обратилась к Гларте, все присутствующие в очередной раз отметили про себя, что старуха только с этой внучкой показывает другую сторону своего характера.

Да и вообще, среди всех членов клана лишь Гларта вызывала в холодном старом сердце тепло. Возможно, так было потому, что лишь она одна из всех родственников осталась с бабушкой, когда остальные разъехались в другие города и деревни. Возможно, потому что Гларта была сиротой. Но это не важно.

Важно было то, что глава клана очень серьёзно занималась со своей внучкой, каждый день давая такие задания на развитие Видения, что об этом ходили многочисленные слухи. Говорили, что именно в Гларте старуха видит следующую главу клана. И, как бы остальные родственники не злобились из-за этого на сиротку, они также понимали, видели и признавали, что в ней действительно огромная сила Видения. И им до неё очень далеко, несмотря на разницу в возрасте со старшим поколением Видящих.

– Тогда, может быть, в «Весёлые пальчики»? – предложила Гларта.

Мирт не слышал об этих играх. Но, судя по названию первой и уверенности своей соперницы, он обрадовался, что их общая бабушка отказала любимой внучке. Когда же Гларта предложила вторую игру с таким безобидным названием, он решил, что лучше ему согласиться, пока не поступило предложение о каких-нибудь играх с арбалетом или огнём.

– Я поддерживаю, – выпалил Мирт, не давая возможности первой ответить бабушке.

– А ты когда-нибудь играл в эту игру? – удивилась глава клана.

– Нет. Но, думаю, я втянусь, – он махнул рукой, словно для него любая новая игра – просто пустяк.

– Что ж, я хотела предложить более гуманную игру, но, раз ты не против, так тому и быть. Внученька, объясни Мирту правила.

– С радостью, бабушка, – и Гларта не врала – она действительно ощущала радость, что её родственничек, который любит издеваться над другими, вот-вот сам ощутит себя по ту сторону своих забав. – Правила просты: мы с тобой выбираем разные числа от пяти до десяти. Становимся друг перед другом и одновременно, на счёт «три» должны показать столько пальцев, чтобы общая сумма давала тот результат, которого добивается каждый из нас. Понятно?

– То есть, если мне надо восемь, я должен предугадать, сколько покажешь ты, и остаток до восьми показать самому? Так? – сияющая Гларта кивнула, от чего Мирт поёжился – почему же она такая радостная? – Так это легко. Я-то думал, меня ждёт что-то кровожадное.

– Да, ты прав, это легко. Если кто-то из нас окажется прав. А если мы оба не сможем предугадать своё число... – Гларта специально сделала паузу, наблюдая за лицом Мирта, и когда дождалась растерянности, пусть и мелькнувшей всего на миг, продолжила: – Тогда мы по очереди кладём ладонь на стол и должны предугадать место, куда воткнётся нож – ты должен успеть раздвинуть пальцы, чтобы лезвие или острие не резануло по ним.

– Дорогая, мы не будем прибегать к таким мерам. Это мы с тобой можем так тренироваться, для лучшей концентрации, – услышав крохи тех знаний, которыми пользовалась глава клана, большинство Видящих взяли себе на вооружение это замечание, – а для обозначения победителя доста-

точно и спицы для волос. Причём деревянной. Мы же не хотим Мирта оставить без пальца, – совсем не двусмысленно она намекнула, чей дар считает сильнее.

– И сколько попыток на удар спицей? – Мирт невольно сглотнул.

– Смотри, если ты загадал число «десять» а я – «пять», но выпало «шесть», значит, у меня будет четыре попытки попасть тебе по пальцам, так как ты аж на четыре цифры ошибся. А у тебя...

– Всего одна, – закончил он и, прикинув, что лучше выбирать «семь» или «восемь» для меньшей вероятности ошибиться, а в случае ошибки – чтобы Гларта меньше била ему по пальцам, добавил: – Тогда не будем оттягивать. Начнём? Я выбираю «восемь». Ты?

– «Пять», – даже не задумываясь, ответила она. – Кстати, по чьему пальцу попадут спицей – тот и проиграл.

Каждый из них выставил перед собой руку, и на «раз, два, три» показал по пять пальцев.

Мирт вначале расстроился, что вышло не восемь, а десять в общей сумме, но потом на его лице расцвела довольная улыбка.

– О-ё-ёй, – покачал он головой из стороны в сторону, – вот беда, никто из нас не угадал. А тебе ещё и пять раз надо увернуться. Точнее, твоим пальцам.

– А с чего ты решил, что я не угадала? – и снова Гларта, словно зеркало, повторила то же самое выражение лица, что

и у Мирта, только у неё улыбка выглядела пусть и не такой хитрой, но куда увереннее, чем у него.

Молодой Видящий уже и не знал, что думать. Играет ли Гларта, притворяется, или действительно Видит намного дальше, чем он? Ему удалось заглянуть в первые двадцать вариаций будущего, и в каждой на руке девушки было три пальца. Мирт не особо задумывался, что это может быть ловушкой, хотя стоило – ведь он редко видел одну и ту же реакцию человека в вариациях будущего. Это явно было подстроено, но такая мысль пришла слишком поздно – только после уверенных слов Гарты.

Если же она действительно предугадала, что он выкинет пять, почему не показала кулак, обозначающий «ноль»? Она бы сразу выиграла. Так зачем ей это? На самом деле он понял «зачем», но не захотел признавать свой досрочный проигрыш.

Перед тем как задать очевидный вопрос, он вдруг поймал себя на мысли: «А может, Гларта увидела такой исход ещё тогда – когда вытянула жребий?» и ответ эхом отозвался: «Ты уверен, что это совпадение?»

– Мы будем по очереди пытаться друг друга, или сначала все попытки использует один, а потом – другой?

– С чего ты взял, что будешь меня пытаться? – она продолжала держать маску, скопированную с его лица.

– Да хватит, Гларта. Это уже не смешно, – не выдержал вечно весёлый Мирт, радостное выражение на его лице рас-

колол испуг.

– Тогда сдавайся, – она тоже прекратила улыбаться и смотрела на него холодным, липким взглядом. Знакомым взглядом. Мирт поднял глаза на главу клана и понял, у кого он видел точно такой же неприятный, проникающий вглубь души взгляд.

– Ну уж нет, – вырвалось у него прежде, чем здравый смысл подсказал противоположный ответ.

– Ладно, – она уже спокойно смотрела на него. – Вообще, надо по очереди втыкать нож, то есть, спицу. Но, раз ты новичок в моей любимой игре – в смысле, в этой игре – я даю тебе возможность использовать все пять попыток подряд.

– Ты уверена, дорогая? – спросила бабушка.

– Более того, если хочешь, – Гларта продолжала обращаться к Мирту, – можешь использовать нож. Я же, в свою очередь, попаду в твой мизинец, ой, прости, я хотела сказать: применю спицу. Ну что, готов?

Мирт понимал, что все эти оговорки – вовсе не оговорки. Но он не мог понять – чего она добивается? Хочет испугать его? Так это ей уже удалось. Зачем продолжать? Или она хочет, чтобы он отказался от игры? А может, она вовсе и не знает исход этой странной дуэли? В это было трудно поверить, так как все знали – её дар сильнее всех Видящих, кроме разве что самой главы клана.

– Не глупи, Гларта, – сказала бабушка, но в её словах не было слышно беспокойства за внучку. И это лишь сильнее

насторожило Мирта.

Тогда он попробовал заглянуть сначала в то будущее, где он бьёт ножом по пальцам молодой Видящей. Одновременно с облегчением от того, что не ранит её, он испытал и страх, что не попадёт по её пальцам и очередь перейдёт к ней.

Постаравшись Увидеть, что же будет с ним, когда Гларта возьмёт в руку спицу, он обнаружил лишь дымку, замутнённый занавес, за которым не проглядывалось ничего. Такое с ним бывало, но лишь когда он пытался заглянуть в своё будущее на месяц и дальше вперёд, но на пару минут – это было впервые.

Его удивление заметила Гларта:

– Что, не можешь предугадать? – ни издёвки, ни презрения, казалось, сочувствием и жалостью пропитались её слова.

– А знаешь, поиграем по твоим правилам, – не выдержав потери контроля над ситуацией, выпалил Мирт. – Где там нож?

Слуга принёс небольшой кухонный прибор с закруглённым остриём.

– Нет. Принеси тот, с которым мы с бабушкой обычно играем в эту игру, – сказала Гларта.

Вскоре у Мирта оказался тот самый нож.

– Начинай. – Она положила правую руку на стол. – Я могу двигать её и пальцы как угодно, лишь бы ладонь оставалась прижатой.

Мирт занёс нож над пальцами Гларты. Он долго решался, и когда уже собрался сделать движение вниз, она крикнула:

– Стой! Ты совсем дурак? Ниже надо. А ты куда целишься? Ещё раз повторяю: мне нельзя двигать ладонью – она должна быть на месте. Я понимаю, ты хочешь её пригвоздить, но давай всё же играть по правилам, как бы ты ни любил их обходить. Как-никак мне с этой рукой ещё жить. И я хотела бы, чтобы она была рабочей, а не покалеченной.

На лбу Мирта выступил пот.

– Давай ещё. Это за попытку не считается.

Видящий снова занёс нож над кистью Гларты.

В тот самый миг, когда Мирт резко опустил свою руку, вогнав острие в деревянную поверхность стола, молодая Видящая чихнула и дёрнула пальцами.

Он испуганными глазами уставился сначала на неё, потом на торчащий нож, и снова на Гларту.

– Всё, с меня хватит! – сказав это, Мирт развернулся и пошёл туда, где стояли выбывшие из первого этапа, а по дороге добавил: – Это же надо быть такой умалишённой, тьфу ты.

Все члены клана не удержались на месте и побежали смотреть, что же произошло. Гларта нарочно не убирала руку, оставаясь в том же положении, в котором оказалась после чиха.

Лезвие ножа находилось на расстоянии толщины трёх волосков от ногтя улыбающейся молодой Видящей.

– Ну что, кто-то ещё хочет сыграть со мной в «Весёлые

пальчики»? – спросила она.

Глава 9. Глава клана Видящих

После того как все отказались связываться с Глартой, та указала на следующие пары, которые будут соперничать между собой. Потом отметила, кто выйдет в третий этап. После – рассказала, что в итоге она будет бороться за возможность стать главой клана с отцом Марты – той девушки, у которой она выиграла в первом этапе.

– ...но всё это не имеет смысла, – зевая, будничным голосом заключила Гларта, – так как в итоге меня, как и всегда во время наших тренировок, выиграет моя любимая бабушка, – уважение к старшим и насмешка над своей неопытностью по сравнению с главой клана слышались в её словах совершенно чётко. – Тем самым в который раз подтверждая, что именно она достойна называться главой клана.

Если последние тридцать лет Видящие пусть и понимали, что их вряд ли ждёт победа, но всё равно, надеясь, принимали участие в церемонии, то теперь, когда предсказания Гларты с каждым очередным состязанием в парах сбывались снова и снова, ближе к финалу интерес и вовсе угас.

Ко всему прочему, Гларта ещё и отказалась прилюдно мериться силами с бабушкой, ссылаясь на то, что она знает её и свои возможности, а остальным показывать дар Видения в максимальном использовании желания нет. Поэтому она признала себя проигравшей.

Так и получилось, что к концу официальной части, связанной с традициями выявления сильнейшего Видящего, всем присутствующим стало скучно, и как только она закончилась, члены клана разбрелись по всему дому и двору, формируя маленькие островки— компании. Лишь одни дети играли и баловались друг с другом, не думая о том, кто в какой семье родился.

Гларта поднялась вместе со своей бабушкой к ней в покои.

– Что это ты сегодня без настроения? Ладно я устала от этих клещей, дерущихся за самое лакомое местечко нашего клана, но ты— то почему не захотела поиграть с ними до конца? Устроили бы показательное зрелище в нашем с тобой состязании. Глядишь, и выиграла бы меня! – глава клана пока меняла праздничный наряд на домашнюю удобную одежду, решила пооткровенничать с любимой внучкой – с единственным человеком, которому она могла открыться всем сердцем.

– Ох, бабушка, – Гларта плюхнулась спиной на кровать, разведя руки в стороны, – я тоже устала от них.

– А ты— то чего устала? Ладно я уже старая и эти игры для меня в тягость. Но в тебе же молодость бурлит, энергия. Повеселилась бы до конца. А ты вынудила бедолагу Мирта самому сняться с игры и скисла. Признаюсь, – старая Видящая засмеялась, – ты и меня повеселила, а это дорогого стоит. Кстати, брала бы с него пример. Впрочем, ты как раз и поступила, как он – отказалась от участия в самом конце. Но

я не об этом. Мирт жизнерадостный молодой человек, если не брать в расчёт тот случай, когда ты его напугала. И ты бы больше уделяла внимания радостям жизни. Тем более, пока молодая.

– Я ему просто отомстила, – Гларта чуть покраснела, так как это было не свойственно ей – издеваться и подшучивать над другими. – Но он сам виноват, устроил сегодня такое, что мне даже стыдно говорить об этом. И вообще, он постоянно пакостит, как только приезжает к нам в гости.

– Это просто юношеское дурачество, – бабушка махнула рукой. – Не обращай внимания.

– Да какой он юноша – двадцать один год уже! – Вспыхнула девушка. – А в голове мозгов только на семь. Да и то, его младший брат, которому как раз и есть семь лет, куда воспитаннее. – Гларта вспомнила, как тот хотел снять штаны и справить нужду прямо в комнате, поэтому после небольшой паузы добавила: – Если только не будет слушать своего бестолкового старшего братца.

Бабушка уже переделалась и легла под тонкое одеяло, да так, что голова внучки теперь лежала у неё на коленях.

– Ну, будет тебе, дорогая, – глава клана погладила её по голове. – Он ещё остепенится. Я надеюсь.

– Ага, как его родители и большая часть остальных наших родственничков.

– Понимаешь, человек – такое существо, которому трудно противостоять жадности, искушению и амбициям. Вот Ви-

дящие из желания стать главой клана и стали такими...

– Мерзкими? Противными? Скупыми? Жадными? – Гларта и дальше бы продолжила перечислять, но бабушка лишь тяжело вздохнула и сказала:

– Потерянными.

– Потерянными? – не поняла внучка.

– Понимаешь, они все как заблудившийся ребёнок, который погнался в лесу за бабочкой. Только вместо бабочки – мечта стать главой клана. Заметь – не хорошим Видящим, да просто человеком, а сразу главой.

– Но я же не хочу стать главой! – Гларта не могла понять ни саму причину, ни родственников.

– Для этого есть простые объяснения, дорогая. Ты видишь, какого это быть главой клана, так как живёшь со мной под одной крышей. Для остальных же глава клана – это не работа днём и ночью, которая забирает все силы и почти не оставляет времени для близких, а высокий статус, деньги и власть.

– Так ты бы дала им возможность хотя бы денёк побыть главой, чтобы они поняли, насколько это непросто.

– Нет, – бабушка покачала головой. – Во— первых, они бы ничего не поняли. А во— вторых, у них слабо развитый дар. Они довольствуются теми крохами, которые получили при рождении и считают, что этого достаточно. Поэтому не развиваются. Но чтобы быть главой клана, надо уметь Видеть куда дальше и куда обширнее, нежели это могут они.

Единственный человек, который действительно мог бы стать главой нашего клана, так это ты.

– Да о чём ты! – Гларта приподнялась на локтях. – Я даже не понимаю, что надо делать главе. И вообще – ты ещё очень долго будешь главной Видящей. И не вздумай мне возражать! – Она серьезно посмотрела на бабушку, а через миг они – вместе рассмеялись.

Гларта каждый раз радовалась, когда у неё получалось поговорить с бабушкой, именно как с бабушкой – с единственным близким человеком, которому она действительно была небезразлична. В последнее время, правда, таких моментов становилось всё больше, нежели раньше, но это не значило, что внучка меньше ценила их. Наоборот, она благодарила Бога Времени, дарившего ей эти мгновенья счастья. Мгновенья, когда она забывала, что сирота, чувствуя себя полноценной.

Конечно, Гларта также ценила и то время, когда бабушка тренировала её или давала задания для развития дара. Но в эти часы глава клана словно забывала о родственной связи и её взгляд – тот самый, от которого у всех Видящих пробегали мурашки по телу – казался взглядом не человека, а самой Смерти, видящей насквозь каждого. А возможно, это был взгляд самого Врарта. От этой мысли Гларте всегда становилось не по себе.

После того как она по душам побеседовала с бабушкой и почувствовала, что день завершился куда приятнее, чем на-

чинался, молодая Видящая отправилась к себе в спальню. Благо, чтобы дойти до своей комнаты, Гларте не требовалось куда— то спускаться, а значит, и видеть нежеланные лица родственников. Там же на втором этаже – только в другом крыле дома – и находился небольшой, но её, Гларты, собственный уголок, где она собиралась лечь спать сразу же, как примет ванну.

Глубокой ночью в дверь её спальни громко постучали.

Только Гларта открыла глаза, как вновь послышался требовательный стук, но в этот раз его ещё и сопровождал крик. Голос оказался знакомый.

– Гларта, скорее открывай. Быстрее, быстрее!

– Мирт? – стоило только узнать нахала, как она тут же принялась возмущаться. – Ты чего это в такое время ломишься? Или по голове захотел? Так я тебе устрою!

– Да открывай же ты! Дело срочное!

– Да? И какое же? Знаю я тебя, отомстить, небось, решил.

Придумал пакость...

– Там бабушка твоя... Ну... Ей, как бы, плохо...

– Ты что, совсем уже?! – не выдержала Гларта, быстро накинула халат на ночнушку и быстрым шагом пошла к двери. – Не нашёл ничего лучше, как шутить на тему здоровья...

Она замолкла, как только открыла дверь. Мирт, казалось, вот— вот заплачет. Мирт! Двадцать один год от роду. Заплачет! Гларта не понимала: то ли он настолько вжился в роль

– и она готова признать, что это лучший розыгрыш Мирта. То ли он говорит правду. А раз так...

– Чего же ты стоишь? Пошли быстрее! – Гларта настолько хотела увидеть бабушку и убедиться, что она в порядке, что это всё— таки розыгрыш, даже готова была расцеловать Мирта – только бы действительно это была шутка, пусть неудачная, но шутка, что даже не заметила, как кричит на него.

Они побежали в комнату главы клана. Покои бабушки облепили все родственники, но стоило показаться Гларте, как для неё в царившем там столпотворении появился проход. Когда она проходила людской тоннель, краем уха слышала, как большинство обсуждают не столько здоровье главы, сколько то, кто же займёт её место. Ни сочувствия, ни участия, ни сострадания, лишь зависть к тому, кто возглавит клан Видящих – вот что Гларта слышала между строк в голосах родственничков. И от этого стало ещё неприятнее, что она одной с ними крови. Ей стало стыдно за них.

– Бабушка, ты как? Что— то болит? – Гларта стала на колени перед кроватью и сжала руку старшей Видящей.

– Садись на кровать, – прохрипела та.

– Нет. Вдруг тебе будет неудобно...

– Садись! – громче повторила бабушка и закашлялась.

Гларта не стала испытывать судьбу и сделала так, как сказала глава клана.

– Послушай, дорогая, – пауза. – Скоро я умру...

– Нет— нет, ты чего. Ты ещё столько лет проживёшь.

– Не перебивай. Времени. Мало. Не веришь. Сама Взгляни!

Гларта никогда не Смотрела на смерти. Даже если местные или приезжие хотели увидеть, когда они или их родственники умрут – она всегда отказывала в этой услуге. Ей проще было рассчитать лучшее время посевов или предугадать, когда будут роды, чтобы подготовиться к ним, но смерть... она ненавидела смотреть на смерть людей. Ей хватило своих родителей. А тут ещё и бабушка.

– Не буду, – буркнула Гларта.

– Ты сегодня. Показала себя. Очень хорошо. Ещё бы пару лет. Ты бы стала. Сильнее меня. И главой клана. Теперь будешь. Ты!

– Да какая с меня глава, бабушка? И мне всего двадцать лет. Ты ещё столькому меня не научила.

– Она права, мам, – вмешался родной сын Видящей – отец Марты. – Куда ей быть главой? Совсем же ещё девчонка!

– Твоя дочь – девчонка. А Гларта. Всех вас. На голову. На две. Выше.

– Но я не справлюсь, бабушка! – Гларта говорила, еле сдерживаясь, чтобы не зареветь и не убежать.

Нет. Борясь с нахлынувшими эмоциями, девушка понимала это. Она не убежит. Потому что хочет как можно дольше побыть с ней. С единственной, кому Гларта была небезразлична. И мысли об этом ещё сильнее тяготили её душу

и сердце.

– Ты. Моя внучка, – сквозь тяжесть слов главы клана слышалась гордость. – А значит. Ты справишься.

Бабушка закрыла глаза и ровно задышала. Было видно, что ей так намного легче, чем сбивчиво разговаривать.

– Запомни совет, – бабушка вновь очнулась и сильнее сжала руку внучки. – Видения. Могут быть. Не тем. Чем кажутся. Не торопись. Делать выводы.

Глава клана снова опустила веки и её дыхание выровнялось. Всего на одну минуту. На последнюю. Минуту.

Глава 10. Буйвол, волк и...

Ночное нападение бандитов на одиноких прохожих – не редкость. Даже днём случайного путника могла поджидать беда в подворотне. Но это всегда происходило на нейтральной территории. Чтобы кто— то напал на семью, ещё и в их доме – такое вероломство случалось редко.

Когда луна заметно поднялась вверх, а на улицах уже мало где встречались окна, подсвеченные тусклым пламенем свечей, напротив дома Брола показались три силуэта. Один принадлежал человеку высокому, второй – низкому, а третий – плечистому. Лишь тот, который был ниже всех, судя по контуру тени, держал в руках холодное оружие – то ли короткий меч, то ли длинный кинжал? Но вкупе с невысоким ростом это оружие смотрелось вполне органично.

Бандиты решили зайти в дом со двора. Первым шёл как раз тот самый коротышка с оружием, а завершал группу высокий. Стоило им легонько толкнуть дверь, как та податливо и плавно раскрылась, а главное, бесшумно – хозяин дома всегда смазывал петли, стоило тем начать хоть немного скрипеть.

Очень медленно, ступая лишь на носки, вооружённый бандит сделал несколько шагов и замер. Он не сразу понял, почему в комнате так темно, несмотря на лунный свет, но когда перевёл взгляд с пола на окно, тут же увидел причину.

Совершенно не шевелясь, там кто— то стоял. В полумраке с трудом можно было различить черты, но, даже не видя лица, каждый из троицы ощутил на себе колючий взгляд, обращённый прямо на них.

Мелкий сглотнул.

– Позвали бы во двор, – тихим, но твёрдым голосом человек у окна обратился к непрошеным гостям. – Я бы оставил вам жизни. Но вы влезли в мой дом. Значит, жалеть не буду, – в словах звучало спокойствие, словно речь шла о рубке дров, а не лишении жизни.

– Слышь, ты! – гаркнул самый высокий, но его перебили, причём таким тоном, что становилось понятно – лучше делать так, как говорят.

– Замолкни. Вышли все, – всё так же спокойно, но твёрдо звучал голос хозяина дома.

Воцарилась тишина, полная немых вопросов и недоумения. Бандиты не знали, как поступить. Наконец тот, что стоял у двери, которому стальной аргумент в руках придавал уверенности, всё же ответил:

– Ты не в том положении, чтобы командовать, понял? Будешь нас слушаться, так уж быть, мы поиграем с твоими женщинами, а затем убьём их не на твоих глазах. Хотя... – коротышка сделал вид, что задумывается, но не выдержал и мерзко засмеялся, а когда приступ злорадства прошёл, добавил: – Нет. Всё же ты будешь наблюдать. И умолять. А знаешь, почему?

Тишина. Брол знал, что лучше выведывать сведения у людей не под принуждением, а в добровольной атмосфере, поэтому молчал. Тем более, многие люди любят поболтать и похвастаться, когда думают, что уже победили. Да и бдительность падает, чему ярким примером служил недавний спор Брола с дочерью.

– Вот скажи: что же ты так плохо себя ведёшь? Нет, чтобы учить себе тихо и мирно, надо же показать себя крутым! Взял и унизил сегодня одного парня на глазах у многих. Зря ты так с ним. Ну, погорячился он малость. С кем не бывает после инициации? Я и вовсе когда впервые познал силу буйвола, разорвал первого попавшегося человека. Точнее, двух. Хорошо, что это был обычный крестьянин со своим отпрыском. Так, что— то я отвлёкся. Ах да, как я понял, ты ещё не рассказал об этом случае его отцу, – низкий обратился к плечистому компаньону: – Ведь так, Волчара? Ваш отец ещё не в курсе?

Тот оскалился, и если бы сбоку на этого бандита падал свет, то на тени можно было бы различить, как у того вытягивается морда и увеличиваются зубы, превращаясь в клыки.

– Что ж, теперь и не узнает, – вздохнул самый говорливый из троицы.

– Ещё будут признания? – спросил Брол.

– А что такое? Не терпится умереть?

– Значит, ты из рогатого клана. Твой дружок из щенков.

А третий?

– Видимо, ты торопишься на тот свет. А жаль. Я думал, ты погрёшь последним. Что ж, – больше не говоря ни слова, бандит взмахнул мечом и... отправился в полёт прямо на своих товарищей. Брол, сделав прямой удар ногой в прыжке вперёд, снова встал, как и прежде.

– Вышли вон! – скомандовал воин, но его вновь никто не слушал.

Мелкий снова накинулся на Брола, но в этот раз он перехватил запястье бандита, вырвал меч и только потом снова ударил ногой.

– Вышли во двор. Вам же лучше. Сможете вместе напасть, – подсказал Вольный, понимая, что жена с дочерью всё равно уже проснулись. Зато в доме ничего не пострадает от неизбежных падений невезучей троицы.

Судя по всему, логика всё же не была чужда негодьям. Пяťясь и бормоча проклятия на ходу, они все трое вышли за дверь, расходясь в стороны.

Брол же неспешным, но уверенным шагом, держа руки за спиной, побрёл в центр двора, давая возможность нападающим окружить его, как им будет угодно.

– Третий, – Вольный кивнул на самого высокого, – какой клан? Журавля? Богомола? Берёзы? Таких же нет. Или есть?

Коротышка отбросил меч, и под светом луны на его голове вдруг начали расти рога, а сам он раздался вширь.

Волчара тоже не стоял на месте, и вскоре не только пасть с клыками свидетельствовали о точном прозвище – весь по-

крытый шерстью, он громко завыл.

Третий никак не поменял свой облик, оставаясь всё таким же обычным, пусть и довольно высоким человеком.

Два получеловека, один с головой буйвола, а другой – волка, одновременно кинулись на Брола. Когда оба почти коснулись его: первый – рогами, а второй – пастью, воин юркнул вниз и толкнул в спину мелкого. Бандит из клана Буйвола полетел прямо на своего товарища. А через мгновение один рог торчал из волчьей головы, нанизанной через пасть.

Рогатый коротышка не сразу понял, что случилось, но когда до него дошло, он взревел как настоящий разгневанный буйвол. Но Брола беспокоил не этот любитель поболтать, а тот молчун, до сих пор остававшийся в тени. Высокий бандит никак не проявил себя даже после того, как увидел, что произошло с его товарищем.

Скинув со своего рога ношу, получеловек— полубуйвол уже не столь опрометчиво атаковал Вольного. Его кулаки стали превращаться в подобие копыт, но сами руки так и остались человеческими. Когда же трансформация закончилась, член клана Буйвола ринулся на Брола, выставив перед собой свои «молотилки». И они выглядели угрожающе и очень опасно.

Воин не стал больше рисковать и незаметно для нападающего вытащил из рукавов лишь рукояти кинжалов. Бандит сделал три атакующих удара, но Брол без проблем уклонился от них, тогда получеловек поднырнул головой и почти до-

стал рогом до подбородка воина, но это оказался тот самый приём, с помощью которого он обхитрил свою дочь.

И Дана это поняла. Она наблюдала из своего окна с затаённым дыханием, как её отец справляется с негодяями, проникшими в их дом. Но чего она не уловила, так это как голова буйвола застыла на кулаке отца. Не только из— за расстояния, но и благодаря резкости манёвра, Дана проглядела, как Брол не только успел развернуть лезвие кинжала, но и воткнуть его снизу вверх под челюсть напавшего. С такой же прытью воин вынул лезвие и снова прижал к запястью.

Послышались три хлопка. Брол не забывал про третьего, но услышать с той стороны аплодисменты было неожиданно.

– Твой клан? – бросил воин, приняв положение, похожее на расслабленное. На самом же деле ноги и руки его были согнуты и готовы к действию.

– А ты? – растянuto спросил высокий человек.

– Вольный клан.

– Врёшь, – тут же отрезал бандит.

– Как знаешь, – Брол пожал плечами.

– Значит, не договариваешь, – долговязый тип замолк и после паузы задумчиво продолжил: – Отец мне рассказывал про один клан. Людей из него нанимали для ночных убийств. Они двигаются бесшумно, говорят тихо, впрочем, как и убивают. Ещё я слышал, что они могут растворяться в тени и проникать в самые защищённые места. Да так, что даже охрана не заметит, пусть даже если в неё будут входить

десятки опытных воинов.

– И?

– И их отличает то, что они пользуются незаметным оружием, таким, как ножи и кинжалы. Ты ведь из клана Призраков?

Брол чуть заметно повернул голову, чтобы боковым зрением увидеть, не слышит ли их Дана – её он заметил ещё когда выходил из дома. Но та никак не отреагировала. Значит, не слышит.

– Значит, это не миф, – от высокого человека не ускользнуло движение Брола.

– Ты ведь понимаешь. Что не жилец, – впервые за всё время в его голосе послышался намёк на чувство. Сожаление.

– Посмотрим, – и единственный оставшийся в живых бандит сделал шаг.

– Твой клан? – Снова поинтересовался Брол.

– А вот ты мне и скажи, – при этих словах чужак резко потянулся рукой к ноге воина.

Брол отступил, сделав шаг назад. Но этого оказалось мало. Щупальце охватило его ногу и дёрнуло на себя. Брол потерял равновесие и упал на спину. Ещё два щупальца потянулись к его рукам и одно даже сумело перехватить локоть, пока воин оказался на миг в замешательстве, а вот другое... А кончик другого отвалился под заточенным лезвием кинжала.

Но враг не растерялся и даже не отвлёкся, а только ещё сильнее обвил ногу и руку Брола. Только воин намерился от-

рубить щупальце, сжимавшее цепкой хваткой его запястье, как неизвестно откуда появилось ещё одно и, перехватив локоть Вольного, сдавило его. Присмотревшись, Брол понял, почему не увидел это щупальце. Оно оказалось точно такого же цвета, как и земля под ногами. Воин расслабился и больше не сопротивлялся.

– Неплохо, – похвалил Брол. – Очень неплохо. Какой клан?

– Никакой, – ответил высокий человек. Точнее, человеческой у него осталась голова, а вот туловище трудно было назвать таковым – оно теперь представляло собой скопление длинных конечностей, часть из которых, казалось, жили собственной жизнью, то плавно, то резко двигаясь, сгибаясь и разгибаясь без всякой системы. Брол сосчитал все отростки – их оказалось восемь.

Незнакомец заметил удивление на лице воина и решил объяснить ему:

– Да, я не вхожу ни в какой клан. Я и вовсе первый в своей семье, кто потратил деньги не на выпивку, гулянья и девушек, – незнакомец с презрением плюнул на землю. – Я копил пять лет на тотем. От отца, который когда— то ходил в море, я узнал об одном существе, обитающем в воде. Оно умеет менять окрас, маскируясь под любую внешнюю среду, да ещё и имеет в два раза больше конечностей, чем человек. Ну что, понял, о ком речь?

– Впервые слышу, – не соврал Брол.

– Оно и не удивительно. Я и сам больше ни от кого не слышал об осьминоге. Как же я удивился, когда увидел в списке тотемов именно его. Правда, пришлось очень долго ждать, пока поймают и привезут это существо в город. Ведь оно обитает очень далеко. Да и само море не близко. Эх... Что — то я разговорился. Ладно, пора заканчивать с тобой. И со свидетелями, – он поднял голову, чтобы посмотреть на девушку в окне, но никого не увидел. – Поверь, я этого не хочу. Но я сам виноват, что пошёл на это дело. С другой стороны, я благодарен тебе, что ты избавился от них, – он махнул головой в сторону трупов. – Мне уже надоело притворяться подчинённым этому...

Вжух.

Брол не стал ждать реакции бандита и, пока тот глазел на отрубленную почти у основания конечность, вытащил метательный нож из рукава и пырнул им сначала одно, а потом и другое щупальце.

– Руби ещё! – крикнул воин дочери, но пока Дана снова занесла меч над головой, её оттолкнуло свободное щупальце бандита.

Брол воспользовался тем, что человек — осьминог отвлёкся. Воин подобрал выпавшие клинки и успел отрезать ещё две конечности неудачливому убийце.

Но тот удивил Брола своей реакцией. Бандит не кинулся в агонии на него, а скрылся в тени дома, на удивление быстро перебирая оставшимися щупальцами.

Брол побежал было за ним, но понял, что потерял его.

Даже если ты из клана Призраков, это не значит, что всегда сможешь найти замаскировавшегося убийцу. Особенно если этот убийца имеет способность менять окраску и принимать любую форму, используя свои конечности.

Вспомнив описания осьминога от бандита, Брол вернулся к Дане и, постоянно косясь то в одну, то в другую сторону, повёл её в дом.

Пока мать прикладывала к ушибу дочери лечебные травы, отец поглядывал в окно на трупы, ожидая, что их подберёт выживший преступник, подготовившись среагировать в любой момент, если вдруг какая— то из дверей приоткроется. Но убийца оказался умнее – он так и не появился.

Приняв человеческий вид, силуэт с отрубленной по локоть левой рукой и отсутствующими двумя пальцами на правой, брёл, прихрамывая, в сторону другой окраины города.

Глава 11. Отцы и дети

Под нежные прикосновения материнских рук, гладивших её по голове, и успокаивающие тихие напевы Дана уснула довольно быстро. Брол же до самого рассвета не оставлял свой пост – молча сидел у окна и прислушивался. Причём, голос жены не мешал, а наоборот – благотворно влиял на него, только усыпляя в нём не сознание, а ненужные негативные чувства.

Когда же солнце показалось и пришло понимание, что негодяй уже явно не появится, Брол решил ковать железо, пока горячо. Несмотря на желание лечь поспать после ночного дежурства, он загрузил в тележку для дров два трупа и повёз их к дому клана Волка. Ведь виновник нападения, как выболтал мёртвый бандит, был родом оттуда.

Брол и так намеревался поговорить с отцом нерадивого ученика, но теперь придётся ещё и стать вестником дурных вестей. Ведь каким бы человек плохим ни был, для своих родителей он всегда будет самым любимым и родным – Брол прекрасно это понимал. Ведь как бы он ни злился или досадовал иногда на свою дочь, он всегда её любил.

А чтобы не привлекать всеобщее внимание и не позорить семьи и кланы, представители которых находились в тележке, Брол накрыл тела покрывалом и хорошенько их перемотал, чтобы они не выпали.

Как только он добрался до дома, где жил его наниматель – тот самый, который платил за обучение своего сына, Вольный постучал в дверь, и из-за неё тут же показался один из людей клана Волка.

– Ты за деньгами? – тот сразу же узнал Брола и его взгляд метнулся на телегу: – А это что? Нам дрова не нужны.

– Позови Старшего.

– Слушай, он сейчас не в духе, – поморщился говоривший. – Давай я тебе отдам, сколько нужно, а если надо с ним поговорить, приходи в другой раз. Без обид.

– Без обид. Позови его. Речь о его сыновьях.

– Я тебя предупредил, мужик. Проходи, – говоривший Серый распахнул дверь и Брол зашёл, везя за собой тележку. – Он злой как соб... кхм, волк.

– Где он?

– Я тебя провожу.

Пока они проходили коридор и внутренний двор, за это недолгое время провожатый успел в общих чертах обрисовать причину гнева Старшего, о которой Брол уже и так догадывался. Когда же его привели к главе клана – мужчине приблизительно тех же лет, что и он, Вольный вновь задумался, кто же оставил Старшему на память четыре шрама на поллица, предполагая, что тот в своё время, наверное, немало дрался с такими же, как он – полулюдьми-полузверями.

– А, Брол, – буркнул хозяин дома.

– Я по делу.

– Право слово, сейчас не до тебя.

– Ошибаешься. Где поговорим?

– Давай уже выкладывай, что у тебя там, да я пойду. Мне ещё сына искать надо. Вот же дубина твёрдолобая, говорил ему не шастать с этим рогоносцем, тьфу ты, – сплюнул Старший.

«Давай уже, выкладывай».

Брол представил себе, если бы и правда выложил то, с чем пришёл. Хозяин дома явно не оценил бы иронию между своими словами и его, Брола, действиями. Но всё же бывалый воин решил не делать так, а подойти к вопросу деликатнее. Насколько он вообще это умел.

– Не надо искать. Он сам нашёл. Меня.

– Ты о чём? – было видно, как Старший задал вопрос больше по инерции, но с каждым мгновением до него начал доходить смысл сказанного. – Что?! – чуть ли не взвыл он. – Как только ты зашёл, я сразу почуял запах смерти. Что ты принёс мне?! Говори!

Брол, подготовившись к худшему, рассказал всё: начиная с тренировки и превращения ученика в тотемное животное, заканчивая ночным нападением троих бандитов.

Как и предполагал Вольный, отец убитого не смог сдержать свой гнев и набросился. Ему понадобился всего один миг полёта в прыжке, чтобы перевоплотиться. Брол впервые увидел такого огромного волка, и вообще, до этого момента он и не слышал, чтобы кто-то из звериного клана сумел пол-

ностью, а не частично стать похожим на тотемное животное.

Воин поразился такой прыти, но сумел отреагировать на атаку.

Брол шагнул в сторону, и здоровенный волк влетел прямо в тележку для дров, перевернув её и тем самым раскрыв то, что находилось под покрывалом. Ещё и разлил бочку воды, стоящую рядом. Увидев своего сына мёртвым, старший Серый взвыл. Вскоре к нему присоединились и другие члены клана, чьи лица принялись вытягиваться, превращаясь в волчьи морды прямо во время воя.

– Опомнись, Старший! – зывал Брол к рассудку человека, чья душа озверела от потери наследника.

Когда же Вольный встретился взглядом с волком, то увидел в глазах того лишь жажду крови и мести. Ни единого намёка на человеческий разум.

Брол понял, что угодил в ловушку, которую сам же и создал. Не давая возможности Старшему первым атаковать, воин побежал на него. Когда широкая пасть волка раскрылась, Вольный нырнул под неё и перекатился по полу как раз туда, куда и намеревался – к холодному телу бандита.

Брол поднял его перед собой и, прикрываясь словно щитом, снова твёрдо произнёс:

– Остынь, Старший! Он уже мёртв! Да. Я убил его. Но вспомни, почему! Чья на самом деле вина?

Огромный волк замер перед мертвецом, тяжело дыша. Затем звериные глаза взглянули в лужу от разлившейся воды

под ногами. Старший Серый встретился со своим отражением. Только тогда в его глазах появилось осознание. Все, кто слышал вой и принимал участие в нём, окружили Брола, но не в человеческом облики, а полужверином. Они ждали приказа своего вожака.

Но Старший, к удивлению и облегчению воина, принялся уменьшаться и вскоре стал человеком. Он не рыдал, не кричал, не размахивал руками – он никак не проявлял свои эмоции. Но этого не требовалось. Достаточно было посмотреть ему в глаза, чтобы увидеть взгляд, говоривший красноречивее всех жестов и поступков, слов и звуков. Это был взгляд старика, пережившего самое тяжёлое человеческое горе, которое может испытать лишь родитель, осознавший смерть своего ребёнка.

– Ты прав, – безжизненным голосом ответил Старший. – В этом моя вина. Я не проследил за инициацией одного сына. За воспитанием другого. До меня доходили слухи, что кто-то из Волков состоит в тройке мразей, грабящих, насилующих и убивающих горожан. Но я не верил в эти сплетни. Какой же с меня Старший, если я не смог выявить паршивого шакала в стае волков?

– Сочувствую утрате. Искренне, – в своей манере отозвался Брол. – Не буду задерживаться. Ещё в клан Буйвола идти. – Он поставил на колёса тележку, уложил туда тело самого мелкого бандита и накрыл его.

– Постой. Я с тобой. Мне тоже есть о чём поговорить с их

Старшим. Да и вдруг отец этого выроodka захочет тебя прибить. Признаюсь, я и сам до сих пор хочу разорвать твою глотку, – заметив, как насторожился Брол, он добавил: – Не волнуйся, я давно приручил своего внутреннего зверя и не дам ему вырваться на волю.

– Я заметил, – Вольный не собирался расслабляться рядом со Старшим, который буквально пару мгновений назад чуть не разорвал его на куски. И вместе с тем, Брол понимал, что этот случай, скорее всего, и правда был исключением. И что такой сильный эмоциональный всплеск он и сам бы, наверное, не удержал, случись с ним подобное.

Пока они оба шли к территории клана Буйвола, Вольный расспрашивал Старшего из Волков то об инициации, то о бывшем своём ученике, то о Тотемном клане. Лишь бы увести разговор подальше в сторону от убитого сына.

Но больше всего Брола интересовал тот молодой человек, который не просто хотел его убить – у него почти получилось это сделать, пусть и с помощью обмана. К удивлению воина, Старший никогда не слышал ни о тотеме осьминога, ни о его владельце. И даже когда Брол описал его по тем немногочисленным деталям, которые заметил, отец убитого не смог припомнить никого похожего в компании сына.

Стоило им дойти до территории Буйволов, как Старший из Волков взял инициативу на себя:

– Говорить с их Старшим буду я. Раз ты с ним не знаком, поверь, он даже слушать тебя не будет. Убьёт, и рогом не

пошевелит.

– Я бы поспорил. Но не до этого.

– А ещё лучше – молчи. Даже не знаю, стоит ли говорить, что это ты убил его племянника?

– А его отец?

– Он точно набросится на тебя, когда узнает, будь ты хоть сто раз прав. Да и по характеру он ещё тот урод. Не удивительно, яблоко от яблони... Эх... а вот в кого мой сын таким уродился? Тьфу.

Старший из Волков постучал в массивную коричневую дверь.

– Чё надо? – послышался голос, но открывать никто не спешил.

– Скажи главному рогатому, что самый Серый пришёл. Дело есть.

– Ща! – Послышались уходящие шаги.

– Умеее вы поговорить, – заметил Брол.

– С этим быдлом по-другому никак, – и Старший снова сплюнул.

Дозорный, или кто там разговаривал через дверь, обратно уже бежал. Послышался лязг засова, и вход стал свободным.

Брол сразу же обратил внимание на грязь под ногами, амбары с сеном, кучи навоза по углам двора и соответствующие запахи, вызывающие желание поскорее убраться из этого места. От всего этого складывалось впечатление, что тут живут свиньи, причём самые настоящие, а не клан. Люди в

таких условиях не жили бы. По крайней мере, Брол так считал раньше.

К Старшему из Волков подошёл на копытах низкий, но широкоплечий и волосатый человек, с огромными рогами на голове. Причём на то, что это существо было человеком, указывали лишь лицо, руки и шорты, надетые далеко не на мужскую талию.

– Чего тебе? – вместо приветствия спросил «главный рогатый».

– Давно своего племяша видел?

– Какого из? У меня их, как навоза, хе.

– Того, который с моим сыном шатается.

– Ты хотел сказать: кому твой сынуля в копыта стелится?

– Уже нет, – Старший из Волков не стал выяснять, кто кому прислуживает и решил перейти к цели визита.

– Чё так?

– Хотя бы по этой причине, – и он содрал с тележки покрывало, показывая скрученное бледное тело, над которым уже мухи начали летать. – Некому уже в копыта стелиться.

Глаза Старшего из клана Буйволов налились кровью, но он не сорвался, как ожидал Брол, а лишь взревел:

– Кто?

– Неправильно задаёшь вопрос, рогатый. Не «кто», а «почему». Или «за что»? Ты вообще знал, чем твой племяш, мой сын и ещё какой-то... жердяй занимаются по ночам? Ты знал, что это они – та самая троица, кем пугают детей, чтобы

они не выходили со двора даже днём, я уже не говорю про ночь.

– Позови Марва, – рогатый обратился к опешившему парню, который сопровождал Брола и Старшего из Волков, а потом снова задал тот же вопрос у нежеланных гостей: – Кто это сделал?

– Тот, в чей дом он залез. Залез, чтобы изнасиловать двух женщин на глазах хозяина дома. Только вот недооценил твой племянш человека, – Старший из Волков вздохнул, – как и мой сын. Он тоже мёртв.

– Где дом этого ходячего трупа? Постой, – только сейчас рогатый подозрительно посмотрел на спутника Старшего из Волков. – Кто это такой? Почему он здесь? И почему молчит, как сыч? Неужели... это подарок для меня? – оскалился он. – Ведь это тот самый хозяин дома, так? Вот мой братишка обрадуется, что сможет так быстро отомстить за своего отпрыска.

– Он и сам может ответить, – сказал Старший из Волков и обратился к Вольному: – Брол?

– Да, это я, – просто ответил воин.

– Чё звал!.. – крикнул ничем не примечательный человек, вразвалку шедший к напряжённой компании, и на мгновение замер, увидев лежащее тело.

Сбросив спесь, он подбежал к тележке и присел у головы мертвеца.

– Какая гнида это сделала?

Брол сразу понял, кто перед ним. Черты лица и комплекция были схожи с теми, что были у лежавшего на грязном полу трупа.

– Ты знал, чем твой сын... – начал было Старший из Волков, но человек перебил:

– Мне наплевать. Я убью этого...

– Марв, этот сыч и есть тот, кого ты хочешь убить, – рогатый указал пальцем на Брола.

– Зря, – только и успел сказать воин, обнажив оба кинжала.

На него набросились. Уже в который раз за день.

Глава 12. Враг появляется – мечта сбывается

Брол возвращался домой весь в крови. В крови врагов. Рядом, прихрамывая, шёл мрачный Старший из Волков.

Чтобы уgomонить обидчивый клан, им пришлось перебить чуть ли не всех озверевших Буйволов. Первым умер Марв – тот самый, развязавший драку. Хотя, ту бойню трудно было назвать дракой; грубую силу рогатых останавливали или клинки Вольного, или пасть Волка. Эти двое работали слаженно. Брол не раз ловил на себе хищный взгляд самого Серого, ожидая от него нападения, но всё же тот оказался прав – человек сумел приручить зверя внутри себя.

Старший из Буйволов оказался самым опасным противником. И несмотря на то, что он ещё был жив, когда вся эта потасовка закончилась, Волк не дал ему возможность выкарабкаться – не столько из-за того, что он ранил его в ногу своим рогом, сколько из соображений кровной мести. Серый сомкнул свои клыки на шее врага и сжимал их, пока у того не погасли глаза.

В итоге клан Буйвола перестал существовать как клан. В их дворе остались восемь живых женщин, семь детей от года до шестнадцати лет и два раненых молодых человека, которых ни Брол, ни Волк не решились добивать. Перепуганный

вид юношей и крики их матерей поставили точку в убийствах.

Всего выходило семнадцать живых на клановой территории, и ещё трое мужчин отсутствовали – с рассветом ушли на охоту. Для поддержания статуса «клан» Буйволам не хватало пяти человек. Ровно в три раза больше бездыханных тел валялось на дворе, обозначая незримые границы круга, в центре которого и сражались безмолвный воин и рычащий Волк.

– Даже не знаю, Брол, как тебе теперь быть? – начал разговор хромающий Старший, пока они шли в одну сторону. – Ведь твою спину некому прикрыть. Вас всего трое в семье, хатка небольшая, да и забор несерьёзный. Опасно тебе оставаться в городе, пока дышит хоть один человек из клана Буйвола. На нас они ещё долго не рискнут напасть – статус клана Буйволы могут вернуть себе уже через год – плодить много труда и ума не надо. Пройдёт не один десяток лет, прежде чем они снова станут такими же нарывистыми, как чирьи на заднице. И вообще, мы, Волки, привыкли к клановым войнам – такое происходит каждые пять-десять лет, как только какой-нибудь клан начинает борзеть.

– А другие кланы? Они будут мстить?

– За кого? За Буйволов? Нет, конечно. С этими рогами даже их копытные собратья не якшаются. Да что там, клан Быка – один из самых справедливых, если об этом понятии вообще можно говорить по отношению к кланам. Да,

они яростные громилы, когда дело доходит до драки. Но они стараются не использовать силу тотемного животного даже наполовину, так как знают, что могут потерять контроль. Именно над этим они постоянно и работают – учатся сдерживать свои эмоции. Но, конечно, им далеко до нас, Волков.

– А Тотемный клан?

– А что они? Спасибо тебе скажут, когда узнают всю правду. Я уж об этом постараюсь. Конечно, и про своего сына придётся рассказать, – Старший глубоко вздохнул. – Какой позор.

– Из твоего клана? Могут напасть?

– Я, конечно, пригрожу всем, чтобы не смели лезть к тебе. Но вряд ли они и сами захотят, когда я им расскажу причину смерти сына.

Повисла тишина.

– Зря я ходил. К тебе. К Буйволам. Знал бы последствия... Думал денег содрать. За ночное нападение. Теперь Буйволам нужнее. Похороны – это расходы.

– Я тоже в долгу перед тобой. Мда, в долгу перед убийцей сына, – задумчиво протянул Старший. – Ты не подумай чего, я всё понимаю... Но и ты меня пойми.

Брол лишь кивнул головой.

– И вообще, а чего ты ожидал? Что родители убитых тобой детей скажут тебе «спасибо»?

Брол пожал плечами.

– Готовься, скоро к тебе столько народу набежит, – решил

перевести тему Старший после недолгого молчания.

Брол вопросительно посмотрел на собеседника.

– Ничего удивительного. Уже к концу дня все только и будут говорить о том, как обычный человек уничтожил весь клан. Не просто клан, а клан с тотемным животным. Так что сможешь даже тренировочную школу открыть – от желающих отбоя не будет.

– Особенно ночью, – иронично заметил Брол. – От братьев недовольных учеников.

– Так ведь ты сможешь отсеивать непутёвых при отборе. Теперь тебе не надо цепляться за каждого ученика.

– Посмотрим, – поставил точку в разговоре Брол и, попрощавшись, свернул на развилке на дорогу, ведущую домой.

Стоило ему открыть дверь, как жена тут же бросилась к нему.

– Что с тобой? – взволнованная Арла разглядывала на муже одежду, в тех местах, где она больше всего пропиталась кровью. – Сильно ранен? Сейчас я за водой и тряпкой. – Жена засуетилась, наполняя в огромной деревянной бочке ведро до половины.

– Я в порядке. Как Дана? Ты как?

– Дана до сих пор спит, а я так и не смогла уснуть, места себе не находила. Ты же ушёл. Я боялась за тебя...

– Мы же Вольные. Не надо бояться. Пусть другие боятся.

– И что теперь будет? – не унималась Арла, но уже говорила более спокойно – она всегда старалась соответствовать

мужу.

– Время покажет, – Брол поцеловал жену в лоб. – Пойду помоюсь, – и он вышел за дверь, ведущую во двор. Там стояла ещё одна бочка с водой. А рядом – строение без крыши с деревянными стенами и подстилкой. Именно туда воин и зашёл, чтобы ополоснуться, смывая с себя как пыль с кровью, так и накопившиеся напряжение с усталостью.

Когда же Брол вошёл обратно в дом, его уже ждал горячий поздний завтрак в компании заспанной дочери и измотанной жены.

После молчаливой трапезы глава семьи изрёк:

– У нас появились враги. Теперь со двора в одиночку вы никуда не ходите. В сам город, где начинаются улицы с каменными дорогами, не ходите. На рынок не ходите. Я сам буду покупать всё необходимое.

– А как же мои уроки рисования? – спросила Дана.

– А за водой к колодцу тоже по двое ходить? – любопытствовала Арла.

– Рисование – я привёл тебя, и я же забрал. Колодец – да, вдвоём. Всегда.

– А если всё так серьёзно, ты меня научишь защищаться? Да-да, – тут же спохватилась Дана, поймав мрачный взгляд отца, и протараторила: – Я помню, что не должна больше спрашивать об этом, раз проспорила тебе. Но ведь многое изменилось. Ты сам сказал, что у нас враги. А значит, я должна уметь постоять за себя. К тому же, вдруг ты уйдёшь в го-

род, а к нам с мамой придёт тот из троицы, который выжил. Кстати, я же вовремя вышла и спасла тебя. Вот как раз ещё и в знак благодарности меня научишь драться. Да? Научишь? Научишь меня? Да?

Брол долго смотрел на дочь. Пристально смотрел. Тяжело. Так, словно хотел её взглядом сдвинуть с места. Но Дана выдержала. За долгое время жизни с отцом она научилась стойчески переносить его психические атаки.

Брол вздохнул и перевёл взгляд на жену.

– Вот что с ней сделать?

– А ведь она дело говорит. Ты не принимай сгоряча решение. Обдумай.

– Я понимаю, что она права.

– Правда? – Дана даже не думала, что в этот день – самый страшный день в её жизни, когда её семью вместе с ней чуть не убили, она сможет обрадоваться хоть чему-то.

– Но она не готова, – Брол продолжал обращаться к жене, не глядя на сияющее улыбкой лицо дочери. – Она слаба, несдержанна, ленива...

– Эй, я не ленивая! – возмутилась Дана.

– А кто постоянно ищет повод, чтобы не рисовать руны? – Брол всё же повернулся к дочери и, не дожидаясь очевидного ответа, продолжил: – В Вольном клане тренировать начинают с трёх лет. А ты уже слишком взрослая для этого. Кроме того, ты – девушка. А значит, уже во многом проигрываешь мужчинам. Ты час спокойно не можешь усидеть на ме-

сте, когда рисуешь руны. А Вольные до тридцати лет даже в свободный от тренировок день сами занимаются не меньше четырёх часов. А в обычные дни доходит и до восьми. Ты сможешь выдержать этот темп? Не закончится и первый день тренировок, как ты будешь умолять меня прекратить. Или же станешь тренироваться спустя рукава. Ты не сможешь, Дана. – Это была самая длинная тирада, которую дочь слышала от отца.

И всё же она не хотела сдаваться. Не сейчас. Не тогда, когда мечта так близка к исполнению. Поэтому она предложила:

– Я ведь не говорю, чтобы ты из меня растил такую же воительницу, как ты. Нет, я бы с удовольствием, но сейчас речь не об этом. Я ведь прошу тебя научить меня самозащите – чтобы я могла постоять за себя. Напади на меня кто-то, я бы хотела уметь ударить его так, чтобы пока он корчится, я могла убежать. Понимаешь? Неужели у тебя на примете нет таких приёмчиков, чтобы я их освоила?

Брол подумал немного и ответил:

– Первое моё условие – сначала рисование, потом тренировки.

Дана внутренне ликовала, но внешне старалась сдерживать эмоции, что, впрочем, у неё не очень хорошо выходило – её лицо озаряла радостная улыбка. Отец же продолжал:

– Второе – будешь делать всё, что скажу. Третье – никаких пререканий. Четвёртое...

– Ого, ты что там, тысячу правил приготовил?

– Четвёртое – не перебивать меня, когда я говорю. Пятое – с утра перед завтраком делаешь разминку и те упражнения, что я буду давать. И просыпаться будешь на час раньше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.